ДЖОАННА

ЛИНДСЕЙ

Пылающие сердца

На ее лице

он мог прочесть все чувства –

надежду, желание, любовь.

Викинги

Джоанна Линдсей

Пылающие сердца

«АСТ»

1987

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Линдсей Д.

Пылающие сердца / Д. Линдсей — «АСТ», 1987 — (Викинги)

ISBN 978-5-17-100281-7

Кристен Хаардрад стала пленницей Ройса Уиндхерста, но никогда не станет его рабыней. Этот могущественный саксонский лорд встретил достойную противницу в лице прекрасной дочери викингов – она не уступала ему ни в гордости, ни в силе… ни в безудержном страстном желании.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-100281-7

© Линдсей Д., 1987
© АСТ, 1987

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 12
Глава 3 15
Глава 4 19
Глава 5 22
Глава 6 25
Глава 7 29
Глава 8 33
Глава 9 38
Глава 10 42
Глава 11 50
Глава 12 55
Конец ознакомительного фрагмента. 56

Джоанна Линдсей
Пылающие сердца

Глава 1

Норвегия, 873 год

Дирк Герхардсен опустился на землю и пополз к берегу, поближе к тому месту, где остановилась золотоволосая девушка. Кристен Хаардрад бросила взгляд через плечо, словно почувствовав чье-то присутствие, потом привязала своего огромного жеребца и направилась к воде. Чуть левее бурлил стремительный поток Хортен-фьорда, здесь же огромные валуны преграждали путь течению, поэтому поверхность залива была гладкой, спокойной, как озеро. По опыту Дирк знал, что вода была восхитительно теплой и девушка наверняка не сможет удержаться от соблазна искупаться.

Он понял, что Кристен держит путь именно сюда, когда увидел, как она выехала верхом из дома своего дяди и направилась в эту сторону. Много лет назад, еще в юности, они часто плавали здесь вместе с ее братьями и кузенами. У Кристен была большая семья – трое братьев, дядя, который был ярлом[1] племени, живущего по эту сторону от фьорда, и множество более дальних родственников со стороны ее отца, причем все они считали, что свет клином сошелся на этой девушке.

До недавнего времени Дирк думал то же самое. Он набрался смелости и, подобно многим другим до него, предложил Кристен выйти за него замуж. Он не мог не признать, что она всячески старалась смягчить свой отказ, но до сих пор в нем не угасло охватившее его тогда чувство горького разочарования. В течение долгого времени он наблюдал, как высокая, неуклюжая девочка превращается в прекрасную, величественную женщину, и больше всего на свете ему хотелось назвать Кристен Хаардрад своей.

Дирк затаил дыхание, глядя, как она стала снимать полотняную одежду. На это он и надеялся. Именно поэтому и последовал за ней, и – хвала Одину![2] – это действительно произошло. Не в силах оторвать глаз от представшей перед его взором картины, он почувствовал, что теряет самообладание. Эти длинные, стройные ноги… нежная линия бедер… гибкий стан, прикрытый лишь толстой золотистой косой… Всего десять дней назад он сжимал в кулаке эту косу, впившись в губы девушки страстным поцелуем, который зажег бушующий огонь в его крови и затуманил рассудок. Ее сильный удар заставил его покачнуться, потому что Кристен вовсе не была маленькой и хрупкой – она была всего на два дюйма ниже его, а в нем было полных шесть футов. Это, однако, не обескуражило его. В тот момент он чувствовал, что действительно сойдет с ума, если не овладеет ею.

Кристен повезло, что неожиданно появился ее старший брат, Селиг. К несчастью, он вошел как раз тогда, когда Дирк снова схватил ее и пытался повалить на пол. До сих пор у них обоих на теле не зажили следы последовавшей за этим яростной схватки, и в лице Селига Дирк потерял друга – не потому, что они подрались, ведь норманны всегда были готовы вступить в бой по любому поводу, а потому, что Дирк осмелился покуситься на Кристен. И он не мог отрицать, что собирался силой взять ее прямо там, на грязном полу конюшни ее отца. Если бы он тогда преуспел в этом, его бы уже не было в живых. Ведь ему пришлось бы драться не с ее братьями или кузенами, а с ее отцом, Гарриком, способным убить его голыми руками.

---

[1] Ярлы – у скандинавов в раннее Средневековье родовая знать, а также правители государства. – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Один – верховный бог в скандинавской мифологии, мудрец, шаман, бог войны.

Кристен была теперь наполовину скрыта водой, но то, что Дирк не мог больше видеть все ее тело, не остудило бушевавший в нем огонь. Он и не предполагал, какой это будет для него пыткой – смотреть, как она купается. Он думал лишь о том, что она будет здесь одна, вдалеке от своих, и, возможно, ему выпадет последний шанс остаться наедине с ней. Поговаривали, что скоро она выйдет замуж за Шелдона, старшего сына Перрина, лучшего друга ее отца. Конечно, подобные слухи ходили и раньше, и довольно часто, ведь Кристен уже исполнилось девятнадцать, и за последние четыре года почти каждый мужчина, живший по эту сторону фьорда, просил ее руки.

Она лежала на спине, над поверхностью воды выступали лишь кончики пальцев ног, молочно-белые бедра и обращенные к небу груди. Забери ее Локи[3], она просто напрашивалась на то, чтобы ее изнасиловали! Дирк был уже не в состоянии больше сдерживаться. Он начал сбрасывать с себя одежду, в спешке разрывая ее.

Кристен услышала всплеск и бросила взгляд в ту сторону, откуда донесся шум, но ничего не увидела. Она быстро осмотрелась вокруг, но в небольшом, прогретом солнцем заливе никого, кроме нее, не было. Тем не менее она поплыла к берегу, туда, где лежала ее одежда вместе с единственным оружием, всегда находившимся при ней. Этот маленький кинжал с отделанной драгоценными камнями рукоятью она носила скорее как украшение, чем как средство защиты.

Какой же она была дурой, что отправилась сюда одна, вместо того чтобы подождать кого-нибудь из братьев! Но все они были заняты, готовя к отплытию большой корабль их отца, который через неделю Селиг поведет на восток, а день был таким чудесным и теплым после долгой весны и исключительно холодной зимы. Она не смогла устоять перед соблазном.

Это было похоже на приключение – отважиться сделать то, что она раньше никогда не делала, а Кристен очень любила приключения. Но все свои прошлые подвиги она совершала в компании с кем-то. И пожалуй, было неосторожно снять с себя всю одежду, хотя тогда это показалось ей восхитительно дерзким и смелым. А уж в смелости ей нельзя было отказать, хотя обычно потом она начинала раскаиваться в своем безрассудстве, как это случилось сейчас.

Едва ее ноги нащупали дно, как он внезапно появился перед ней, огромный, угрожающий. Кристен чуть не застонала от отчаяния, что это оказался именно Дирк, а не кто-нибудь другой, потому что однажды он уже пытался пустить в ход силу, и выражение его лица было сейчас в точности таким же, как и тогда, десять дней назад. Он был сильным, мускулистым мужчиной двадцати одного года, ровесником ее старшего брата Селига. Более того, они были не только сверстниками, но и очень близкими друзьями. Она и сама считала Дирка своим другом до того дня, как он напал на нее на конюшне.

Теперь он сильно отличался от того мальчишки, с которым она росла вместе, с которым каталась верхом, охотилась и плавала в этом самом заливе. Он был так же красив, как и раньше, с темно-золотыми волосами и светло-карими глазами. Но это был уже не тот Дирк, которого она знала прежде, и Кристен очень опасалась, что сейчас повторится то же самое, что произошло тогда на конюшне.

– Тебе не следовало приходить сюда, Кристен. – Его голос был низким, хриплым.

Глаза Дирка были прикованы к капелькам воды, сверкавшим, как бриллианты, на ее длинных, густых ресницах. Струйки воды стекали по ее нежным округлым щекам и прямому точеному носу. Кончиком языка она провела по пухлым губам, слизывая влагу, и у него вырвался стон.

Кристен услышала, как он застонал, и глаза девушки расширились, но не от страха, а от охватившего ее гнева. Эти чистые, яркие глаза, так похожие на глаза ее отца, были очень

[3] В скандинавской мифологии – комически-демонический персонаж, спутник Одина и Тора, злокозненный хулитель богов. Является олицетворением силы огня.

странного цвета – нечто среднее между небесной синевой и прозрачной зеленью морской воды. Только сейчас они стали почти бирюзовыми, как море во время шторма.

– Дай мне пройти, Дирк.

– Не думаю, что тебе это удастся.

– В таком случае подумай еще раз.

Она не повысила голоса, в этом не было необходимости. Каждая черточка ее лица дышала яростью. Но Дирк уже не владел собой, он был полностью во власти демона – демона похоти. Он совсем забыл, как лишь недавно благодарил свою счастливую звезду за то, что не изнасиловал Кристен в прошлый раз.

– О Кристен. – Его пальцы впились в ее обнаженные плечи, он крепко держал ее, не давая высвободиться. – Знаешь ли ты, что делаешь со мной? Известно ли тебе, что мужчина может лишиться рассудка, пылая страстью к такой красавице, как ты?

Ее глаза угрожающе вспыхнули.

– Ты действительно сошел с ума, если думаешь…

Он резко притянул ее к себе и жадно впился губами в ее губы, заставив ее замолчать. Ее высокая, упругая грудь оказалась прижата к его телу.

Кристен чувствовала, что задыхается. Его рот больно терзал ее нежные губы, он все сильнее прижимался к ней, и ее охватило негодование. Они были почти одного роста, и его восставшая плоть оказалась совсем рядом с тем центром желаний, к которому он так стремился, и это вызвало у нее наибольшее омерзение, потому что она вовсе не была невежественна в том, что касалось отношений между мужчиной и женщиной. Ее мать, Бренна, давно посвятила ее в тайны плотской любви, но то, что происходило сейчас, никак нельзя было назвать любовью, потому что она испытывала лишь отвращение.

Проклиная его силу, она боролась с ним, пытаясь вырваться из его объятий. Обычно сила и смелость были теми качествами, которые восхищали ее в мужчине, но только не тогда, когда они были направлены против нее. Дирку будет нетрудно овладеть ею, но если он это сделает, она убьет его. Право распоряжаться своей девственностью принадлежало только ей, и когда она найдет мужчину, которому захочет принести ее в дар, то сделает это с радостью. Но она не позволит, чтобы это произошло вот так, и Дирк Герхардсен был совсем не тот, кто мог бы стать ее избранником.

Поймав зубами его нижнюю губу, Кристен изо всех сил укусила его, одновременно вцепившись ногтями ему в грудь. Она все сильнее сжимала зубы, пока он наконец не отпустил ее. Медленно поворачиваясь, она заставила его поменяться с ней местами. Он мог бы ударить ее, заставив тем самым выпустить его, но в этом случае она разорвала бы ему губу, и он отлично это понимал. Не желая рисковать, она не разжимала зубы до тех пор, пока неожиданно не подпрыгнула и не уперлась обеими коленками ему в живот.

Кристен выпустила его губу в тот самый момент, когда с силой оттолкнулась ногами от его живота, в результате чего очутилась на берегу, а Дирк упал спиной в воду. Это дало ей время добежать до того места, где лежала ее одежда, чтобы схватить кинжал прежде, чем он настигнет ее.

Но он и не пытался сделать этого. Едва увидев в ее руке оружие, он остановился.

– Ты полна неожиданностей, как настоящая дочь Локи, – прошипел Дирк, вытирая кровь с губы и глядя на нее карими глазами, потемневшими от ярости.

– Не смей сравнивать меня со своими богами, Дирк. Моя мать воспитала меня христианкой.

– Меня не интересует, каким богам ты молишься, – резко ответил он. – Брось нож, Кристен.

Она покачала головой. Он видел, что теперь, когда ее рука сжимала оружие, девушка была совершенно спокойна. Великий Один, как же она хороша, обнаженная, покрытая капель-

ками воды, с манящими полными грудями, мягким, плоским животом, заканчивающимся внизу темно-золотым треугольником волос. Она держала кинжал с видом человека, прекрасно знающего, как с ним обращаться, словно провоцируя его сделать хотя бы малейшее движение.

– Похоже, кроме любви к вашему богу, твоя мать научила тебя еще кое-чему. – В его голосе прозвучала горечь. – Твой отец или братья никогда не стали бы показывать тебе, как пользоваться этой игрушкой, и не простили бы того, что ты умеешь с ней обращаться, потому что это дало бы окружающим повод усомниться в их способности защитить тебя. Это леди Бренна научила тебя своим кельтским штучкам, не так ли? После стольких лет ей пора бы уже понять, что кельтское боевое искусство все равно не сравнится с мастерством викингов. Чему еще она научила тебя, Кристен?

– Я умею владеть любым оружием, кроме топора, и то лишь потому, что это очень неуклюжее орудие смерти и обращение с ним не требует особого умения, – с гордостью ответила девушка.

– Неуклюжее потому, что ты недостаточно сильна для него, – угрюмо заметил Дирк. – А что бы сказал твой отец, если бы узнал об этом? Готов поспорить, он выпорол бы и тебя, и твою мать.

– Может быть, ты ему расскажешь? – язвительно спросила Кристен.

Дирк сердито посмотрел на нее. Конечно, он не мог ничего сказать ее отцу, потому что в этом случае ему пришлось бы объяснить, как он об этом узнал. И ее насмешливая улыбка говорила о том, что она тоже отлично это понимает. Вспомнив о Гаррике Хаардраде, который был на полфута выше его и в свои сорок шесть лет оставался таким же сильным, Дирк немного поостыл – немного, но не совсем.

Он пристально посмотрел ей в глаза.

– Чем я так плох, Кристен, что ты так упорно отказываешь мне?

Этот вопрос, заданный спокойным, даже несколько смущенным тоном, застал ее врасплох. Так же как и она, он стоял совсем обнаженный, гордо и невозмутимо, и ее взгляд нерешительно оторвался от его лица и стал опускаться ниже. Ее не смутила картина, открывшаяся ее взору, потому что однажды, когда со своей ближайшей подругой Тайрой они пробрались в баню ее дяди и спрятались за баком с водой, чтобы подсмотреть, как купаются ее двоюродные братья, она уже видела совершенно обнаженных взрослых мужчин. Конечно, это было более десяти лет назад, к тому же сейчас существовало одно отличие. Прежде ей не доводилось видеть мужчину в возбужденном состоянии.

Кристен ответила ему совершенно честно:

– Ты вовсе не плох, Дирк. Твое тело великолепно, и на тебя приятно смотреть. У твоего отца богатое хозяйство, а ты его наследник. Любая женщина будет рада взять тебя в мужья.

Она не добавила при этом, что Тайра продала бы душу дьяволу, лишь бы заполучить его, поэтому-то Кристен и не хотела иметь с ним дела. Тайра была влюблена в него уже пять лет, но он ничего не знал об этом. А Кристен поклялась не выдавать секрета своей подруги никому, особенно Дирку.

– Просто ты не для меня, Дирк Герхардсен, – твердо закончила она.

– Почему?

– Ты не заставляешь мое сердце биться чаще.

Он недоверчиво посмотрел на нее и с настойчивостью произнес:

– А какое это имеет отношение к замужеству?

«Самое прямое», – подумала она, а вслух сказала:

– Мне очень жаль, Дирк. Я не хочу тебя в мужья. Я уже говорила тебе об этом.

– Это правда, что ты выходишь замуж за Шелдона?

Кристен могла бы солгать и использовать этот предлог, чтобы выпутаться из создавшейся ситуации, но она не любила лгать лишь для того, чтобы облегчить себе жизнь.

– Шелдон мне как брат. Я подумывала о том, чтобы выйти за него замуж, раз мои родители так хотят этого, но все-таки решила отказаться от его предложения.

«И он будет в восторге, узнав об этом, – добавила девушка про себя, – потому что тоже относится ко мне как к сестре и испытывает такую же неловкость при мысли о возможном союзе между нами».

– Когда-нибудь тебе придется выбрать, Кристен. Все мужчины по эту сторону фьорда в то или иное время просили твоей руки. Тебе давно следовало бы быть замужем.

Кристен не любила говорить на эту тему, потому что ей лучше всех было известно, в каком она оказалась положении, ведь на всем побережье не нашлось ни одного мужчины, за которого она хотела бы выйти замуж. Она мечтала о любви, такой, которая связывала ее родителей, но понимала, что рано или поздно ей придется довольствоваться меньшим. Она уже несколько лет откладывала неизбежное, отказывая всем претендентам на ее руку, а родители позволяли ей поступать по-своему, потому что очень любили ее. Но так не могло продолжаться бесконечно.

Кристен разозлилась на Дирка за то, что он напомнил ей о ее затруднительном положении, потому что весь последний год она не могла думать ни о чем другом.

– Кого я выберу, тебя совершенно не касается, Дирк, потому что этим избранником будешь не ты. Найди себе другую и впредь не надоедай мне.

– Я мог бы овладеть тобой и силой заставить выйти за меня, – сказал он с мягкой угрозой. – После того как ты отвергла стольких женихов, твой отец может согласиться отдать тебя мне, когда я лишу тебя девственности. Такое случалось и раньше.

Это было вполне возможно. Конечно, сначала ее отец изобьет его до полусмерти. Но если Дирк все-таки останется жив, ее могут отдать ему в жены. Ведь придется считаться с тем фактом, что она уже будет не девушкой.

Кристен нахмурилась.

– Если мой отец не убьет тебя, это сделаю я. Не будь дураком, Дирк. Такое я тебе никогда не прощу.

– Но ты все же будешь моей.

– Говорю же, что я убью тебя!

– Думаю, ты этого не сделаешь, – сказал он, и ей очень не понравилась его уверенность. – Мне кажется, что стоит рискнуть.

При этих словах его взгляд остановился на ее груди. Кристен замерла. Ей не следовало стоять здесь и разговаривать с ним. Ей надо было вскочить на Тордена и быстро умчаться прочь, а не хватать кинжал и пытаться дать Дирку отпор.

– Будь ты проклят, что ж, попробуй, но прежде я убью тебя! – прошипела Кристен.

Дирк смотрел, как девушка поднимает кинжал, понимая, что она успеет нанести ему удар прежде, чем он сможет вырвать оружие у нее из рук. Если бы только она не была почти такой же высокой, как он, и не обладала при своем росте значительной силой…

Он снова разозлился, но на этот раз не на нее, а на ее мать за то, что та была настолько сумасбродна, чтобы обучить дочь боевому искусству.

– Эта игрушка не всегда будет у тебя в руке, Кристен, – прорычал он.

Она вздернула подбородок.

– Ты глупец, что предупредил меня. Теперь уж я позабочусь о том, чтобы впредь ты никогда не смог застать меня врасплох.

Это привело его в бешенство.

– Тогда не забудь запирать свою дверь, когда спишь, потому что я все равно найду способ овладеть тобой!

Кристен не удостоила его ответа, лишь наклонилась, чтобы поднять свою одежду, лежавшую у ее ног, и перебросила ее через плечо. Не сводя глаз с Дирка, она нащупала поводья и,

зажав их в руке, стала отступать назад. Отойдя на несколько футов, она вцепилась в белую шелковую гриву Тордена, вскочила ему на спину и мгновенно рванулась с места.

Позади слышались злобные проклятия Дирка, но Кристен не обращала на них внимания, беспокоясь лишь о том, как бы исхитриться и на скаку натянуть на себя одежду, прежде чем она приблизится к поселению и кто-нибудь увидит ее. Ей будет трудно объяснить, что произошло, и, если правда станет известна, она больше не сможет наслаждаться прежней свободой, а Дирку Герхардсену грозят большие неприятности.

Если бы Кристен не боялась, что этим поставит под угрозу свой вольный образ жизни, то рассказала бы обо всем, но она слишком дорожила своей свободой. Отец и так чересчур беспокоился за нее. Мать, конечно, совсем не переживала на этот счет, потому что Бренна обучала ее умению защитить себя в течение долгих летних месяцев, пока ее муж, прихватив с собой сыновей, отправлялся в долгие плавания, чтобы продать свой товар. Втайне Бренна научила Кристен всему, что в свое время узнала от своего отца: мастерству и хитрости, необходимым в поединке с более сильным врагом. Особенно хитрости, потому что, хотя Кристен и была почти на полфута выше своей матери и отличалась недюжинной для женщины силой, все же она не могла тягаться с мужчинами.

Кристен была горда своим умением постоять за себя, но это был первый случай, когда ей пришлось испытать его на деле. Она не могла открыто носить оружие, как мужчины, потому что ее отец пришел бы в ярость, узнав, чему научила ее мать. В любом случае ей вовсе и не хотелось носить оружие, она была вполне довольна своей принадлежностью к женскому полу.

Вся семья любила, защищала и баловала Кристен. Кроме Селига, который был двумя годами старше, у нее были шестнадцатилетний брат Эрик и Торалл, четырнадцати лет, причем оба они уже были почти такого же огромного роста, как и их отец. Кроме того, у нее имелся двоюродный брат Атол, бывший на несколько месяцев старше Селига, и еще множество троюродных братьев со стороны отца, готовых драться насмерть за малейшее нанесенное ей оскорбление. Нет, она была под надежной защитой, и ей не нужно было демонстрировать умение постоять за себя, как в свое время приходилось делать ее матери, когда та была в возрасте Кристен.

До сегодняшнего дня. Если бы только на следующей неделе она могла уплыть вместе с Селигом и Эриком к торговым городам на Востоке, тогда ей не нужно было бы беспокоиться насчет Дирка – по крайней мере до тех пор, пока не вернется домой в конце лета. Но к тому времени он мог уже обзавестись женой и забыть о ней.

К несчастью, Кристен уже просила, чтобы ее взяли в плавание, но ей ответили отказом. Она была слишком взрослой для того, чтобы плавать в большой компании молодых мужчин, даже если этот корабль и принадлежал ее отцу и ее брат Селиг командовал им. Если Гаррик оставался дома, значит, и Кристен должна остаться дома. Даже ее шутливый намек, что в Бирке или Хедеби она могла бы встретить какого-нибудь симпатичного владельца другого торгового судна и привезти его домой в качестве мужа, не возымел желаемого действия. Если Гаррика не будет там, чтобы присматривать за дочерью, как это было в те три раза, когда он позволил Кристен и ее матери сопровождать их в плавании, тогда она должна оставаться дома.

Последние восемь лет Гаррик уже не плавал, предпочитая проводить теплые летние месяцы с Бренной и предоставляя своему другу Перрину, а потом Селигу, когда тот подрос, командовать кораблем. Родители Кристен уезжали верхом на север одни и не возвращались до конца лета. Они вместе охотились, исследовали незнакомые места, любили друг друга, и Кристен мечтала о таком же счастье для себя. Но где можно найти такого же мужчину, как Гаррик, – ласкового с теми, кого любил, и грозного с теми, кого ненавидел, мужчину, способного заставить ее сердце биться быстрее, как билось сердце Бренны всякий раз, когда она смотрела на мужа?

Кристен вздохнула и направилась к дому. Такого мужчины не было, по крайней мере здесь. Конечно, попадались ласковые мужчины, но не слишком часто, в то время как грозных было предостаточно. Их северная земля могла похвастать крепкими, достойными сыновьями, но до сих пор ни один из них не смог завладеть сердцем Кристен. Если бы только она могла уплыть на Восток вместе с Селигом. Должен же где-то быть мужчина, предназначенный ей, – купец или моряк, как ее отец, датчанин, или швед, или даже норманн с юга. Все они приезжали торговать в крупные города на Востоке. Ей нужно было лишь отыскать его.

Глава 2

Кристен сидела в кухне, поджидая, пока ее мать спустится вниз. Селиг должен был отплыть утром, в то время дня, которое в других краях именуется рассветом, но поскольку летом в здешних широтах солнце садилось ночью всего на несколько часов, это был не совсем рассвет в обычном понимании этого слова.

Включая Селига, команда корабля состояла из тридцати четырех человек. За исключением нескольких кузенов в основном это были младшие и даже старшие сыновья друзей Хаардрадов, все бывалые моряки. Трюм набьют мехами и другими ценными товарами, и для того, чтобы подготовить их, эти люди немало потрудились в долгие темные зимние месяцы. Семья Кристен за эту зиму запасла пятьдесят пять шкур, включая две шкуры белого медведя, которые так высоко ценились на Востоке.

Это будет очень выгодное путешествие для всех, и Кристен решила сделать хотя бы еще одну попытку добиться разрешения участвовать в нем. Селиг сказал, что он не будет возражать, но, разумеется, ему всегда было трудно в чем-либо отказать ей. Поскольку ее отец на прошлой неделе опять трижды говорил ей «нет», единственной, кто мог бы заставить его изменить решение, оставалась мать.

Слуги готовили ужин. Все они были чужеземными пленниками, которых викинги захватывали во время своих набегов на южные поселения или привозили с Востока. Но те, кто служил в доме Хаардрадов, были куплены, потому что Гаррик не участвовал в набегах с юных лет и Селиг тоже, с тех пор как стал командовать кораблем вместо отца. Иногда это становилось предметом споров между родителями Кристен, потому что ее мать была такой же пленницей, захваченной отцом Гаррика и подаренной им сыну в 851 году. Конечно же, Бренна, с ее бесконечной гордостью, никогда не признавала Гаррика своим хозяином, и они часто рассказывали о царившей на первых порах между ними лютой вражде, которая мало-помалу переросла в любовь, жившую в их сердцах и по сей день.

Кристен никак не могла представить себе своих родителей враждующими, как это было когда-то. Конечно, время от времени между ними вспыхивали ссоры, и иногда Гаррик вскакивал на коня и уезжал на север, чтобы поостыть. Но когда он возвращался, родители запирались в спальне, и, выйдя оттуда спустя несколько часов, ни один из них не мог вспомнить, из-за чего же они повздорили. Все их распри, большие и маленькие, заканчивались в спальне, что служило остальным членам их семьи неисчерпаемой темой для шуток и поддразниваний.

Устав ждать, Кристен от скуки принялась выпрашивать у Эйлин сладкие орешки, которые та собиралась добавить в тесто. Девушка заговорила с Эйлин на ее родном гэльском языке, что всегда действовало безотказно. От слуг, которые были уроженцами самых разных краев, Кристен выучила множество языков и могла так же бегло говорить на них, как на родном. У нее был живой, пытливый ум, всегда жаждущий узнать что-то новое.

– Оставь Эйлин в покое, родная, пока любимый ореховый хлеб твоего отца не превратился в твердую лепешку.

Кристен виновато проглотила оставшиеся орешки и с улыбкой повернулась к матери.

– Я думала, ты никогда не спустишься. Что это ты прошептала на ухо папе, после чего он так поспешно схватил тебя на руки и унес наверх?

Бренна очаровательно покраснела. Обняв дочь за талию, она повела ее в зал, который был пуст, потому что все мужчины работали на берегу, перетаскивая груз на корабль.

– Тебе обязательно задавать подобные вопросы в присутствии слуг?

– Задавать подобные вопросы? Но все они видели, как он схватил тебя и…

– Ну ладно, оставим это, – улыбнулась Бренна. – Кроме того, я вовсе ничего не шептала ему на ухо.

Кристен была разочарована. Она рассчитывала услышать от матери какое-нибудь восхитительно порочное признание, потому что та всегда откровенно высказывалась на любую тему. Заметив ее разочарование, Бренна расхохоталась.

– Мне не нужно было что-либо ему шептать, дорогая. Я просто уткнулась носом ему в шею. Видишь ли, у Гаррика есть очень чувствительное место на шее.

– И это может вызвать в нем желание?

– И притом очень быстро.

– Значит, ты спровоцировала его. Как тебе не стыдно, мама! – поддразнила Кристен.

– Стыдно, мне?! После того как я среди бела дня так приятно провела целый час с твоим отцом, хотя ему не терпелось спуститься вниз? Иногда женщине приходится брать инициативу в свои руки, если ее муж так занят.

Кристен издала звук, похожий на сдавленный смешок.

– И он не возражал, что ты оторвала его от такого интересного занятия – наблюдать, как перетаскивают ценный груз на его корабль?

– А ты как думаешь?

Кристен улыбнулась, отлично зная, что он вовсе не возражал.

Ее мать и по поведению, и по внешнему виду сильно отличалась от обычных матерей. Помимо того, что у нее были иссиня-черные волосы, выдававшие ее кельтское происхождение, и ласковые серые глаза, она выглядела слишком молодой, чтобы иметь взрослых детей. Хотя ей исполнилось почти сорок, она казалась значительно моложе.

Бренна Хаардрад была необычайно красивой женщиной, и Кристен повезло, что черты лица она унаследовала от матери, хотя высокий рост, золотистый цвет волос и аквамариновые глаза достались ей от отца. По крайней мере ей следовало благодарить Бога за то, что она не была такой высокой, как ее отец и братья. Бренна так и делала, хотя здесь, на севере, необычный рост дочери не доставлял ей проблем, которые могли бы возникнуть, живи она где-нибудь в другом месте, поскольку норманнские мужчины большей частью были выше ее. Однако на родине Бренны это могло бы стать серьезным недостатком, поскольку там большинство мужчин были бы ниже Кристен.

– Надо полагать, ты ждала меня не для того, чтобы задавать свои неуместные вопросы? – поинтересовалась Бренна.

Кристен опустила глаза.

– Я надеялась, что ты поговоришь с папой, тем более что он сейчас в таком прекрасном настроении, и попросишь его…

– … отпустить тебя в плавание вместе с братом? – закончила за нее Бренна, качая головой. – Почему это путешествие так важно для тебя, Кристен?

– Я хочу найти себе мужа. – Наконец она сказала то, в чем не решалась признаться своему отцу.

– И ты не надеешься найти себе кого-нибудь подходящего здесь, дома?

Кристен заглянула в ласковые серые глаза.

– Я никого не могу полюбить здесь, мама. Так, как ты любишь папу.

– А ты перебрала всех своих знакомых?

– Да.

– Надо ли это понимать так, что ты не выйдешь за Шелдона?

Кристен кивнула, хотя до этого решила, что пока не будет сообщать об этом родителям.

– Я люблю его, но так же, как люблю своих братьев.

– Значит, ты хочешь выйти замуж за чужеземца?

– Но ты же вышла замуж за чужеземца?

– Мы с твоим отцом были долго знакомы, прежде чем решили, что любим друг друга, и поженились.

– Я думаю, мне не потребуется так много времени, чтобы понять, что я влюблена.

Бренна вздохнула.

– Ну что ж, я постаралась вооружить тебя знаниями, которых не было у меня, когда я познакомилась с твоим отцом. Хорошо, родная, я поговорю сегодня вечером с Гарриком, но не надейся, что он изменит свое решение. И в этом я с ним согласна, потому что тоже не хочу отпускать тебя с твоим братом.

– Но, мама…

– Дай мне закончить. Если Селиг вовремя вернется из плавания, мне кажется, можно будет уговорить твоего отца отправиться на юг, чтобы поискать тебе мужа.

– А если он вернется лишь к концу лета?

– В таком случае придется подождать до весны. Раз уж мне суждено разлучиться с тобой, я хотела бы, чтобы это произошло как можно позже. Если только, конечно, ты не жаждешь заполучить себе мужчину прямо сейчас.

Кристен покачала головой. Этого она совсем не имела в виду. Ей просто хотелось уехать отсюда, подальше от той опасности, которую представлял собой Дирк, но она не могла сказать этого даже матери, потому что в этом случае та скорее всего сама решила бы разобраться с ним.

– Но тогда я буду еще на год старше, – напомнила Кристен, надеясь, что это соображение сможет поколебать мать.

Бренна улыбнулась тому, что дочь даже не сознает своей привлекательности.

– Поверь мне, твой возраст не имеет значения. Они везде будут драться из-за тебя, едва лишь узнают, что ты ищешь себе мужа, точно так же, как дрались и здесь. Лишний год ничего не изменит.

Кристен не стала продолжать разговор. Они уселись возле открытой двери, через которую в дом проникал теплый ветерок и дневной свет. Огромный каменный дом, построенный прадедом Кристен, не имел окон, чтобы лучше хранить тепло во время зимних холодов. Кристен помогала Бренне ткать гобелен, поскольку у той не хватало терпения заниматься этим в одиночестве.

– Что бы ты сделала, мама, если бы тебе очень хотелось уплыть на этом корабле? – под влиянием порыва внезапно спросила Кристен.

Бренна рассмеялась, решив, что дочь смирилась с поражением.

– Я пробралась бы тайком на борт и хорошенько спряталась посреди тюков с грузом дня на два, до тех пор, пока мы не отплыли бы подальше от берега.

– Ты правда поступила бы так? – спросила Кристен, недоверчиво глядя на нее округлившимися глазами.

– Нет, родная, я просто тебя поддразниваю. С какой стати я захотела бы уплыть от твоего отца?

Глава 3

Однако семя упало на благодатную почву, и Кристен уже не могла думать ни о чем другом. Конечно, ее мать всего лишь шутила, фантазируя, как она спряталась бы на корабле, но в этой шутке была та доля правды, которая не давала Кристен покоя. Бренна обладала достаточной смелостью, чтобы сделать это, ведь она порой решалась и на более отчаянные поступки. Разве она не отважилась в самый разгар зимы, когда ее украли незадолго до их с отцом свадьбы, обойти вокруг фьорда, чтобы вернуться к Гаррику? Кристен может быть такой же смелой. Одним ударом она сумеет избавиться от Дирка и отстоять свою независимость, а кроме того, это будет настоящее приключение. Именно мысль о приключении подогревала ее больше всего.

Во всем этом замысле имелся лишь один недостаток. Ей запретили участвовать в плавании, и ей придется дорого заплатить за свое непослушание, когда она вернется. Но сейчас, пребывая в радостном возбуждении, Кристен просто старалась не думать об этом и не позволяла Тайре, которой рассказала о своих планах, приставать к ней с вопросами. Та была очень удивлена, ведь, в отличие от Кристен, она утратила любовь к приключениям, когда вышла из детского возраста.

Девушки сидели на втором этаже в комнате Кристен – единственном месте, где можно было укрыться от шума прощального пира, устроенного внизу. Гости веселились вовсю. Все члены команды будут спать сегодня в зале. Тайра пришла вместе с отцом, чтобы попрощаться со своим братом Торольфом, потому что последние несколько дней он провел здесь, помогая с погрузкой и последними приготовлениями к отплытию. Кристен была рада, что он участвует в плавании, потому что они были очень близкими друзьями. В свое время она даже пыталась обучить Торольфа некоторым языкам, которыми владела с детства, но он оказался не слишком способным учеником. Торольф, возможно, будет единственным, кто встанет на защиту Кристен, когда Селиг и три ее двоюродных брата, тоже участвующие в походе, примутся отчитывать ее за глупую выходку.

Селиг, безусловно, страшно разозлится, так же как и ее кузены Олаф, Хэкон и Оутер, старший из троих. Но когда ее обнаружат, они уже отплывут достаточно далеко от берега и возвращаться будет поздно. А как только их гнев уляжется, они будут вынуждены смириться с ее присутствием. Разумеется, она отделается лишь устным внушением, так как ни один из них не посмеет тронуть ее пальцем, зная, что она не из тех, кто не может постоять за себя.

– Но почему, Кристен? – спросила Тайра, как только узнала о ее намерении. – Твоя мать будет плакать. Твой отец… – Она замолчала и поежилась. – Мне даже страшно подумать, что он сделает.

Кристен лишь улыбнулась ей.

– Он ничего не сможет сделать, пока я не вернусь. И моя мама никогда не плачет. Она перестанет беспокоиться обо мне, как только ты ей сообщишь, где я. Обнаружив, что я пропала, она и так поймет, что произошло, но все равно станет волноваться, если не будет знать наверняка. Поэтому-то я все тебе и рассказала.

– Лучше бы ты рассказала кому-нибудь другому. Твой отец придет в ярость.

– Но тебе он ничего не сделает, Тайра. И ты должна пообещать мне, что завтра же расскажешь им, что я уплыла вместе с Селигом, прежде чем они начнут беспокоиться.

– Я сделаю это, Кристен, но все равно не могу понять, зачем тебе нужно идти против их воли. Раньше ты не выражала желания отправиться с братом в плавание.

– Конечно же, мне и раньше этого хотелось, просто мне не приходило в голову попросить разрешения. Что касается того, зачем я это делаю, то это мой последний шанс поплавать с

Селигом. В следующем году отец собирается отправиться со мной на юг, чтобы я могла найти себе мужа – если только прежде не найду его сама в Хедеби, – добавила она со смехом.

– Ты на самом деле хочешь поискать себе мужа на стороне? – удивленно спросила Тайра.

– А ты решила, что я шучу?

– Конечно. Это же значит, что тебе придется жить в чужих краях, вдали от родителей.

– За кого я ни выйду замуж, мне все равно придется покинуть родительский дом.

– Но если бы ты стала женой Шелдона, то осталась бы жить рядом с домом.

– Но тогда я не узнала бы настоящей любви, Тайра. Я предпочла бы жить где угодно, даже на Востоке, лишь бы быть с человеком, которого могла бы полюбить по-настоящему. Но ты забываешь, что у моего отца есть два больших корабля и один маленький. Неужели ты думаешь, что родные не стали бы навещать меня, независимо от того, как далеко я уеду от дома?

– Нет, конечно же, стали бы. Я действительно упустила это из виду.

– Ну вот и хорошо. Поэтому даже и не пытайся заставить меня изменить решение – тебе это не удастся. Я собираюсь славно провести время, Тайра, и не думать о том, что будет ждать меня по возвращении. Ты даже не представляешь, какое захватывающе интересное зрелище представляют собой эти большие торговые города, потому что ни разу не бывала там. Во время моих прежних путешествий я была слишком молода и интересовалась только товарами, а не мужчинами. А ведь там собираются мужчины со всех концов земли. Я найду такого, которого смогу полюбить, и привезу его домой, и это, безусловно, смягчит гнев моего отца.

– Ну, если ты так уверена… – нерешительно протянула Тайра.

– Уверена. А теперь пойдем, а то там без нас все съедят.

Девушки, спустившиеся в шумный зал, представляли собой прелестную картину – Тайра, хрупкая и изящная, едва достающая Кристен до плеча, и ее подруга, кажущаяся необыкновенно красивой в синем шелковом наряде, облегающем стройную, точеную фигуру, и с тяжелыми золотыми браслетами, украшавшими ее обнаженные руки.

Когда Кристен проходила мимо Шелдона, он шлепнул ее пониже спины, и она обернулась и показала ему язык. Он хотел было схватить ее, чтобы наказать за дерзость, но она ловко увернулась. Ей было жаль, что Шелдон не участвует в плавании, но этим летом он вместе с братьями собирался помочь отцу пристроить несколько комнат к их дому, к тому же им нужно было ухаживать за посевами.

Следующим Кристен задержал ее кузен Оутер, который обхватил ее за талию, приподнял над полом, затем снова опустил и звонко поцеловал.

– Это принесет мне удачу, детка, – сказал он пьяным голосом.

Кристен рассмеялась. Только лишь потому, что Оутер был старше ее на десять лет, он упорно называл ее деткой, хотя она уже давно выросла. Его отец был одним из многочисленных братьев ее деда. Вместе со своими братьями Оутер жил сейчас с дядей Кристен, Хью. Ее двоюродный брат Атол не собирался участвовать в плавании, поскольку был единственным сыном Хью, и тот настаивал, чтобы он оставался при нем.

– Неужели для того, чтобы просто торговать на Востоке, тебе нужна удача? – спросила она у Оутера.

– Викингу в плавании всегда нужна удача, независимо от того, куда и зачем он плывет. – Сделав это заявление, он весело подмигнул ей.

Кристен лишь покачала головой. Пир еще только начался, а он уже был здорово под хмельком. Утром, когда ему придется сесть на весла, он с трудом сможет разлепить глаза. Девушка пожалела его, представив, как тяжело ему придется, в то время как она будет уютно сидеть в трюме на тюках с товаром.

– Отпусти ее, Оутер, пока она не умерла от голода, – крикнул кто-то.

Он послушался, но прежде тоже шлепнул ее по заду. Кристен скорчила гримасу и направилась к длинному столу, за которым расположилась вся семья. Девушка никогда не могла понять, почему эта часть ее тела так привлекала внимание окружающих и провоцировала их на подобные выходки, но после каждой пирушки она всегда еще целую неделю ходила с синяками. Правда, она не обижалась, потому что никто не имел в виду ничего дурного.

Кристен обошла вокруг стола, но не продвинулась дальше стула своего отца, потому что он вытянул руку и привлек ее к себе на колени.

– Ты обиделась на меня, Крис?

Он нахмурился, но на его лице читалась забота. Ее мать еще раз поговорила с ним, и он снова отказался разрешить ей отправиться в это путешествие без него. Две пары аквамариновых глаз пристально посмотрели друг на друга, потом Кристен улыбнулась и обняла отца за шею.

– Разве я когда-нибудь обижалась на тебя?

– Насколько я помню, довольно часто, и всякий раз именно тогда, когда тебе не удавалось настоять на своем.

– Это не считается, – рассмеялась Кристен.

– Ты ведь сама понимаешь, почему тебе нельзя отправиться вместе с Селигом? – мягко спросил ее отец.

– Да, я знаю, почему ты не хочешь отпустить меня. – Она вздохнула. – Иногда мне жаль, что я не родилась мужчиной. – При этом заявлении он запрокинул голову и громко расхохотался. Кристен нахмурилась. – Я не вижу в этом ничего смешного.

– Ты даже сама не знаешь, как похожа на свою мать, Крис, – сказал он. – Полжизни она потратила на то, чтобы стать настоящим сыном для своего отца. А я благодарен судьбе, что у меня есть дочь, да еще такая красавица, как ты.

– Тогда… ты простишь меня, если я сделаю то, что ты можешь не одобрить?

– Что это еще за вопрос? – улыбнулся он. – Ты что-то натворила?

– Нет. – На данный момент это соответствовало действительности.

– Значит, это всего лишь предположение? В таком случае я могу ответить, что, пожалуй, прощу тебе все – в пределах разумного, – добавил он с преувеличенной строгостью, за которой скрывалась усмешка.

Кристен наклонилась и поцеловала его.

– Я люблю тебя, – нежно сказала она, и он так крепко стиснул ее за эти слова, что у нее перехватило дыхание, и она лишь вскрикнула: – Папа!

Он спустил ее с колен, похлопав по спине, и приказал:

– Давай-ка поторопись, положи себе какой-нибудь еды, а то ничего не достанется. – Его голос был строгим, но лицо светилось любовью.

Она уселась на скамейке между матерью и Селигом, который быстро налил ей полную кружку пенящегося меда.

– Ты же не собираешься дуться, а, Крис? – спросил он. – Я бы не хотел в течение всего плавания вспоминать твой хмурый вид.

Кристен улыбнулась, увидев, как он принялся наполнять ее тарелку, потому что обычно он никогда не ухаживал за ней за столом.

– Что, Селиг, тебе стало жаль меня?

– Можно подумать, ты позволишь кому-нибудь жалеть себя, – буркнул он.

– Ты прав, не позволю, поэтому можешь не тратить силы зря. И мое дурное настроение выразится лишь в том, что я попрощаюсь с тобой сегодня вечером, чтобы утром не видеть, как ты отплываешь без меня.

– Как тебе не стыдно, Кристен, – упрекнула ее Бренна. – Если тебе хочется, чтобы он чувствовал себя виноватым в том, что оставляет тебя здесь, ты в этом преуспела.

– Чепуха. – Кристен проказливо улыбнулась Селигу и обратилась к матери: – Уверена, что не буду страдать от разлуки с ним.

Селиг ответил обиженным взглядом на это заявление, потом повернулся, чтобы сказать что-то Атолу, сидевшему по другую руку от него. Кристен вздохнула, потому что Селиг еще не знал, как справедливы были ее слова, хотя он может их припомнить, когда обнаружит ее на борту своего корабля.

Бренна по-своему истолковала этот вздох.

– Неужели тебя и вправду так расстроило решение твоего отца?

– Это было бы таким прекрасным приключением, мама, – честно ответила Кристен. – Ведь у тебя до того, как ты вышла замуж, было много приключений, разве нет?

– Да, и многие из них были весьма опасными.

– Но торговое плавание не сулит никаких опасностей. К тому же папа сказал, что я очень похожа на тебя.

– Да, я это слышала, – улыбнулась Бренна. – И знаешь, он говорил правду. Я действительно изо всех сил старалась заменить своему отцу сына, которого у него никогда не было. Но у твоего отца трое сыновей, и он не может нарадоваться на свою единственную дочь. Не пытайся стать тем, кем ты не являешься на самом деле, родная.

– Просто я так мечтала о приключениях! – призналась Кристен.

– В таком случае больше не мечтай о них, потому что они случаются тогда, когда их совсем не ждешь.

– Так было с тобой?

– Сейчас я не жалею о том приключении, которое привело меня сюда, хотя в свое время ужасно переживала. И ты в конце концов отправишься в свое путешествие на юг, хотя твой отец пока еще ничего не знает об этом, – шепотом добавила Бренна. – Я расскажу ему, что ты не хочешь выходить замуж за Шелдона, но только после того как улягутся все волнения, связанные с отъездом Селига, потому что он будет очень разочарован. Они с Перрином так мечтали о вашем браке.

– Мне очень жаль, мама.

– Не расстраивайся, родная. Мы ведь заботимся только о твоем счастье, и если ты чувствуешь, что не будешь счастлива с Шелдоном, что ж, ничего не поделаешь. Мы найдем тебе мужчину, которого ты сможешь полюбить.

«Если только прежде я сама не найду его», – подумала Кристен, наклоняясь, чтобы поцеловать мать, как только что поцеловала отца. Она мысленно прощалась с ними и надеялась, что они поймут и простят ее за то, что она собиралась сделать.

– Я люблю тебя, мама.

Глава 4

Но шторм, при этом даже не очень сильный, нарушил все планы Кристен. Едва лишь корабль начал раскачиваться на волнах, ей стало дурно. Она была плохим моряком, но совсем забыла, что во время предыдущего плавания с ней было то же самое. Малейшее волнение на море, и ее начинало выворачивать наизнанку.

Кто-то услышал, как ее рвет, и поднял крышку люка, чтобы заглянуть в трюм. Бросив на нее один только взгляд, матрос сразу же опустил крышку. Она даже не смогла рассмотреть, кто это был, да ей было и не до этого, потому что качка становилась все сильнее.

Ей так везло до сих пор. Она умудрилась тайком пробраться в комнаты своих братьев, расположенные за конюшней, и позаимствовать кое-что из одежды Торалла, которую рассчитывала носить во время плавания, хотя при этом захватила и несколько своих платьев, чтобы иметь возможность переодеться, когда они прибудут к месту назначения. Спрятаться в трюме оказалось легче всего, потому что на корабле был оставлен для охраны всего один человек. Он сидя дремал прямо возле люка, ведущего в трюм. Кристен, гибкая и ловкая, несмотря на свой рост, воспользовалась представившейся ей возможностью. В трюме было довольно удобно. Царивший вокруг кромешный мрак совсем не смущал ее. Меха, сваленные в кучу, служили и тайником, и прекрасной постелью.

Так продолжалось два дня. Кристен надеялась продержаться незамеченной хотя бы еще один день, потому что прихватила с собой достаточно еды. Но этому не суждено было случиться. Шторм нарушил ее планы. И хотя никто пока еще не спустился за ней в трюм, рано или поздно это произойдет.

Кристен показалось, что прошел уже целый день, когда наконец крышка люка снова открылась, и в трюм хлынул поток яркого света. Она собрала остатки сил и приготовилась защищаться, хотя чувствовала себя ужасно, несмотря на то что шторм утих.

В трюм спрыгнул Селиг. Кристен все еще лежала там, где застал ее последний приступ дурноты, практически у самых его ног. Яркий свет ослепил ее, и девушка зажмурилась и лишь по сердитому голосу узнала, кто это был.

– Понимаешь ли ты, что натворила, Кристен?

– Понимаю, – слабо ответила она.

– Нет, не понимаешь!

Она прикрыла ладонью глаза, пытаясь рассмотреть выражение его лица, но ей это не удалось.

– Селиг, пожалуйста, мои глаза еще не привыкли к свету.

Он присел на корточки рядом с ней и ухватился за толстую меховую фуфайку, которую она надела поверх плотно облегавшей кожаной туники, скрывавшей ее высокую грудь. Он мрачно посмотрел на ее чулки, перетянутые крест-накрест подвязками, и высокие мягкие кожаные сапоги, отделанные мехом. Талию девушки обхватывал широкий пояс с большой пряжкой, украшенной крошечными изумрудами.

– Где ты взяла все это? – требовательным тоном спросил Селиг, указывая на ее одежду.

– Это не твое, – заверила она его. – Я одолжила это у Торалла, потому что он пока еще такого же роста, как я, и…

– Заткнись, Кристен! – оборвал он ее. – Знаешь, на кого ты похожа?

– На одного из членов твоей команды? – рискнула пошутить она, надеясь немного смягчить его гнев.

Но это ей не удалось. Его серые глаза были темными, как море во время шторма. Казалось, ему стоит огромных усилий сдержаться и не ударить ее.

– Но почему, Кристен? Прежде ты никогда не делала таких глупостей.

– У меня было несколько причин. – Теперь, когда он наклонился к ней, его лицо оказалось совсем рядом. – Во-первых, я мечтала о приключениях, – избегая его взгляда, ответила она.

– И ради этого ты готова была навлечь на себя гнев отца?

– Это всего лишь одна из причин. Другая, Селиг, – та, что я хочу выйти замуж, но дома мне никто не нравится. Я надеялась встретить много новых мужчин в больших торговых городах.

– Отец мог бы сам отвезти тебя, – холодно ответил он.

– Я знаю. Мама уже говорила мне, что он может это сделать, когда ты вернешься или следующей весной.

– Но ты не захотела ждать. Вот и вся причина! – Он щелкнул пальцами. – Ты решила пойти против…

– Подожди, Селиг. Была еще одна причина. Один человек – я не стану называть его имени, так что можешь не спрашивать, – этот человек решил взять меня силой, чтобы заставить выйти за него замуж.

– Дирк! – взорвался он.

– Я уже сказала, что не стану называть его имени. Но я никому не могла рассказать об этом, не то мне запретили бы выходить одной из дому. Отец, конечно, разобрался бы с ним, но он не стал бы убивать его, поскольку никакой беды пока не произошло. А я думаю, что разговорами или побоями этого человека остановить нельзя. Я все равно лишилась бы своей свободы, поэтому подумала, что лучше всего будет, если ненадолго уеду, а если при этом я смогу найти себе мужа – что ж, тем лучше!

– Помоги мне Один! – воскликнул Селиг. – Я и не должен был ожидать от женщины, чтобы она рассуждала здраво.

– Ты несправедлив, Селиг! Я же сказала, что именно все эти причины вместе побудили меня принять такое решение, – защищаясь, воскликнула Кристен.

– Скорее всего тебя толкала лишь любовь к приключениям, потому что всегда найдется способ справиться с таким человеком, о котором ты говорила, и ты сама это знаешь!

– Отец не стал бы убивать его только за то, что он угрожал мне.

– Тогда я убил бы его.

– Ты убил бы его за то, что он хочет меня? – спросила она, прищурившись. – Ты что, намерен убивать каждого мужчину, в котором я вызываю желание?

– Каждого, кто считает, что может овладеть тобой, независимо от того, согласна ты или нет.

Она улыбнулась ему, зная, что в нем говорят братские чувства.

– В таком случае нет никаких проблем. В больших торговых городах мне не потребуется никакой другой защиты, кроме тебя.

– Безусловно, это было бы так, окажись ты там, однако этого не произойдет, – возразил он. – Ты возвращаешься домой.

– О нет, Селиг! Команда никогда не простит меня за то, что мы потеряем столько времени!

– Они все до одного согласятся с тем, что тебя нужно вернуть домой!

– Но почему? Что за беда, если я поеду с вами? Вы ведь собираетесь всего-навсего торговать. – Она заметила его яростный взгляд, и внезапно ей в голову пришла мысль, от которой глаза ее расширились и возбужденно заблестели. – Вы собираетесь совершить набег!

В этот момент в отверстии люка появилась голова их кузена Хэкона.

– Ты рассказал ей, Селиг? Клянусь Тором[4], это было очень глупо с твоей стороны! – проворчал белокурый гигант.

---

[4] Тор – в скандинавской мифологии бог-громовержец, сын Одина и Земли.

– Идиот! – Селиг вскочил и сердито уставился на юношу. – Ты сам только что сообщил ей! Она всего-навсего высказала предположение.

Хэкон спрыгнул в трюм и пристально посмотрел Селигу в глаза.

– Ну и что ты теперь намерен делать? Вернуть ее домой, чтобы она обо всем рассказала твоему отцу?

Селиг в отчаянии закатил глаза.

– Клянусь, Хэкон, ты просто кладезь информации. Наши враги были бы счастливы заполучить тебя.

– А что я такого сказал?

Селиг не удостоил его ответом, а вместо этого посмотрел на широко улыбавшуюся Кристен.

– Ты же не скажешь отцу, правда? – спросил он почти умоляющим тоном, которого прежде она от него не слыхала.

– А ты как думаешь?

Услышав ее ответ, он застонал, но выместил злобу на Хэконе, так двинув его кулаком, что тот упал на кучу мехов. Затем он навалился на Хэкона сверху, а тот принялся отвечать ему в лучших традициях викингов.

Кристен в течение нескольких минут наблюдала за дракой, а потом произнесла достаточно громким голосом, чтобы они могли расслышать ее из-за стонов боли и проклятий:

– Если вы думаете, что я буду чувствовать себя виноватой, глядя завтра утром на ваши разукрашенные синяками физиономии, то должна вас разочаровать, потому что я не считаю себя ответственной за эту драку.

Селиг перекатился на спину, сел и зарычал на нее:

– Мне следовало бы бросить тебя в море, Кристен. Тогда мне пришлось бы лишь сказать родителям, что ты утонула, вместо того чтобы признаваться в том, что я взял тебя с собой в набег. Я думаю, они сами предпочли бы, чтобы ты утонула.

Она подползла к нему на четвереньках, поцеловала в щеку, которая уже начала распухать, и улыбнулась.

– Придется тебе сдаться по-хорошему, братец, и рассказать мне, куда направляешься.

– А вот этого тебе знать вовсе не следует, так что можешь даже не спрашивать. Ты останешься на корабле и будешь держаться подальше от всех.

– Селиг! – Но он проигнорировал ее мольбу и вылез из трюма. Она повернулась к Хэкону, который в этот момент поднимался на ноги. – Может быть, ты мне скажешь?

– Чтобы он злился на меня в течение всего плавания? Уволь, Кристен.

– Но это нечестно! – прокричала она ему вслед, когда он тоже принялся вылезать из трюма.

Глава 5

Они плыли все дальше и дальше на юг, туда, куда Кристен никогда даже не мечтала попасть. Она поняла, что их путь лежит на юг, лишь потому, что ночи становились все длиннее, пока наконец не сравнялись по продолжительности с днем. В течение довольно длительного времени они плыли мимо прекрасных, одетых в летнюю зелень берегов, но все отказывались сказать ей, что это была за земля.

Она кое-что знала о странах, лежавших дальше к югу. В этом не было ничего удивительного, так как слуги у них в доме постоянно менялись, а все они были уроженцами разных мест. Земля, мимо которой они сейчас проплывали, могла оказаться большим островом, принадлежавшим ирландским кельтам, или еще большим островом, населенным скоттами, пиктами, англами, саксами и уэльскими кельтами. К числу последних принадлежала семья ее матери. Или даже это могла быть страна франков, хотя Кристен казалось, что в этом случае она должна была бы находиться слева, а не справа.

Если это все-таки один из больших островов, не исключено, что им предстоит сражаться с датчанами, потому что в свое время те собирались захватить оба эти острова, и, если верить последним слухам, им это почти удалось. Если они действительно собираются напасть на датчан, то им придется сражаться с достойными противниками, в отличие от низкорослых коренных жителей островов.

Селиг отказывался что-либо объяснять ей. Хотя он все еще оставался недоволен ее выходкой, все же в конце концов он позволил ей покинуть трюм. И даже Торольф, брат Тайры, не хотел ничего рассказывать ей. Кристен полагала, что они рассудили так: если она не будет ничего знать о том, где они находятся и что делают на берегу, то ничего не сможет сообщить отцу, когда они вернутся домой.

Как будто у нее хватит духу рассказать ему об этом! Он был мирным купцом и никогда не простил бы, если бы узнал, что один из его кораблей использовали в пиратских целях. Мужчины клана Хаардрадов не участвовали в набегах со времен ее дедушки. Но, разумеется, молодежь всегда мечтала о богатствах, которые можно было захватить в результате одного успешного рейда, а мужчины, отправившиеся в плавание с Селигом, были молоды, и само судно как нельзя лучше подходило для подобных целей.

Длинный дубовый корабль с высокой сосновой мачтой, прямым полосатым красно-белым парусом, шестнадцатью парами узких весел и украшавшей нос красно-золотой головой дракона отличался поразительной быстроходностью.

Кристен не жалела о том, что стала участницей этого предприятия, более того, возбуждение мужчин передалось и ей. И хотя ей не позволят покинуть корабль, все равно будет о чем рассказывать своим детям и внукам долгими зимними вечерами! И решающий момент был не за горами. Она поняла это по поведению мужчин, по тому, как Селиг и Оутер еще внимательнее стали наблюдать за берегом.

Наконец ранним утром они свернули в устье широкой реки, и все до одного мужчины сели на весла. С каждой минутой волнение Кристен усиливалось, потому что проплывавшие мимо них берега казались ей совершенно необитаемыми, хотя время от времени она и замечала небольшие поселения.

Девушка была в восторге от всего, что видела. Но жажда приключений окончательно захватила ее, когда они наконец бросили якорь и Селиг направился к ней. Она все еще надеялась, что ей позволят пойти с ними. Она даже сделала кое-какие приготовления – засунула косу под тунику и надела серебряный шлем, который Оутер шутя бросил ей этим утром.

У нее не было щита, но она захватила с собой легкий меч, который дала ей мать много лет назад, когда обучала боевому искусству, хотя Кристен никогда и в голову не приходило,

что он сможет ей понадобиться. Она покажет меч Селигу, если он позволит ей пойти с ними, в противном случае возникнет слишком много вопросов, когда станет известно, что она обладает столь грозным оружием.

Внимательно оглядев ее мужской наряд, он нахмурился, и это лишало надежды, что он изменил свои планы по поводу того, где она будет оставаться до его возвращения. Селиг был красивым мужчиной, но когда он хмурился, вид у него был крайне устрашающий, хотя она слишком хорошо его знала, чтобы бояться.

– Конечно, Селиг, я здорово мешала тебе, но…

– Ни слова больше, Кристен, – нетерпеливо прервал он ее. – Я вижу, ты все еще надеешься сделать так, как хочется тебе, а не так, как я скажу. Но на этот раз тебе это не удастся. Ты спрячешься в трюме и останешься там до моего возвращения.

– Но…

– Ты сделаешь это, Кристен!

– Ох, ну хорошо, хорошо. – Она вздохнула, потом улыбнулась, потому что ей не хотелось расставаться с ним на такой печальной ноте. – Пусть боги принесут тебе удачу – что бы ты там ни затеял.

Он улыбнулся, с трудом сдерживая смех.

– И это говоришь мне ты – христианка?

– Я знаю, что мой Бог позаботится о тебе даже без моих просьб, но мне также известно, что ты захочешь, чтобы и боги твоего отца помогали тебе.

– В таком случае проводи все свободное время в молитвах за меня, Крис.

Его взгляд смягчился, и он обнял ее. Но затем кивком указал ей на трюм, и Кристен, смирившись, направилась туда.

Однако она оставалась там недолго. Не успел последний из членов команды спуститься за борт и направиться к берегу реки, как она вылезла на палубу, вызвав улыбку Бьорна, одного из тех, кто был оставлен на корабле, и недовольный взгляд другого часового. Но поскольку ни один из них не крикнул ей, чтобы она спускалась обратно, Кристен стала спокойно наблюдать за тем, как моряки направились в сторону леса, который загораживал от взора остальную часть прилегающей к реке земли.

Она нетерпеливо ходила взад-вперед по палубе, в ярости от того, что вынуждена оставаться здесь в полном бездействии. Миновал полдень, солнце палило нещадно, и было намного жарче, чем у них в Норвегии. Как долго будут отсутствовать мужчины? Проклятие, кажется, прошла уже целая вечность.

– Клянусь Тором!

Кристен обернулась и увидела, как последний из норманнов скрывается в чаще леса. А затем услышала то, что еще раньше ее услышал стоявший рядом с ней мужчина: звон мечей и воинственные крики.

– Должно быть, у них хватает сил, если они нападают, вместо того чтобы удирать! Спускайся-ка вниз, Кристен!

Прокричав это, Бьорн спрыгнул за борт. Кристен послушалась, но направилась в трюм лишь для того, чтобы взять свой меч. Когда она снова поднялась на палубу, то увидела, что оба часовых бросили корабль и бегут в сторону леса на помощь своим товарищам. Девушка не замедлила присоединиться к ним. Поскольку, как справедливо заметил Бьорн, лишь сильный противник мог позволить себе атаковать прекрасно вооруженных викингов, она рассудила, что ее помощь, как бы мала она ни была, может понадобиться.

Кристен нагнала мужчин в тот момент, когда они с душераздирающим воплем подбежали к краю леса. Она не последовала за ними. Вокруг нее не было ничего, кроме груды бездыханных тел. О Боже, она и не предполагала, что все будет именно так. Она увидела своего кузена Олафа, лежавшего в неестественной позе… вокруг было столько крови! Селиг! Где Селиг?

Девушка с трудом оторвала взгляд от мертвых тел, устилавших землю, и посмотрела вперед, где вовсю кипело сражение. Увидев противника, она с трудом поверила, что эти невысокие жилистые мужчины смогли нанести викингам такой урон – ведь их было не так уж много, хотя, как она внезапно заметила, не все из них оказались такими уж низкорослыми. Один был даже на несколько дюймов выше ее, и он сражался – с Селигом! Бог мой, он был не единственный, кто замахнулся мечом на ее брата!

Кристен рванулась к нему на помощь, но ей помешал невысокий мужчина, с яростным криком преградивший ей путь. Вместо меча он направил на нее длинное копье, которое она мгновенно разрубила пополам. Однако мужчина исчез еще до того, как Кристен вновь занесла над головой меч.

Потеряв ориентацию, она стала крутиться на месте, пытаясь снова найти Селига, а потом закричала, потому что в тот момент, когда она увидела его, ее брат упал на землю, а высокий воин, с которым он сражался, победно поднял окровавленный меч. Она в бешенстве рванулась вперед, видя перед собой лишь человека, сразившего Селига.

Кристен не глядя нанесла удар воину, бросившемуся на нее справа, и тот рухнул. Наконец она оказалась лицом к лицу с ним, убийцей ее брата, и смело отразила его первый удар. Их взгляды на секунду встретились, прежде чем ее меч вонзился в его тело. Она заметила, как его голубые глаза расширились, когда она выдернула меч из раны, и это было последнее, что она видела.

Глава 6

Одинокая свеча слабо освещала небольшую спальню. Возле стены стояла узкая кровать с примыкающим к изножью большим сундуком. Противоположную стену украшал гобелен, на котором были изображены усыпанное летними цветами поле и играющие дети. На третьей стене висело до блеска отполированное металлическое зеркало, узкая полочка под ним была заставлена самыми разнообразными предметами, от шкатулок с костяными гребнями и украшенных драгоценными камнями булавок до крошечных разноцветных флакончиков с ароматическими эссенциями. На полу, рядом с зеркалом, стояла скамеечка с мягким сиденьем.

В углу спальни виднелся резной столб с деревянными крючками, расположенными по всей длине, который мог сам по себе служить украшением. На крючках висели прозрачные покрывала и ленты всевозможных цветов. Единственное окно было завешено длинными узкими полосами ярко-желтого шелка, что казалось пустой тратой столь дорогого материала. Возле маленького круглого столика со стоявшей на нем раскрашенной керамической вазой с красными розами стояли два стула с высокими спинками, на которых в настоящий момент была развешана одежда лежавшей в постели пары.

Спальня принадлежала женщине, Корлисс Редвуд, хрупкой красавице двадцати одного года, невероятно гордившейся своими роскошными огненно-золотыми локонами и шоколадного цвета глазами.

Корлисс была невестой лежавшего подле нее мужчины, Ройса Уиндхерста, одного из родовитейших дворян из окружения короля Альфреда[5]. Четыре года назад ее предложили ему в жены, но он отказался. Всю прошлую зиму она, пользуясь своим положением любимицы отца, прилагала немало усилий, чтобы заставить его снова обратиться к Ройсу с предложением о браке, и на этот раз оно было принято. Но Корлисс знала, что это произошло лишь потому, что после пира, устроенного ее отцом, она ухитрилась заманить пьяного лорда Ройса к себе в спальню и соблазнить его.

Отдавшись той ночью Ройсу, она ничем особым не пожертвовала, так как до этого уже спала с мужчиной. Однако она искренне надеялась, что Ройс этого не понял. Правда, это случилось всего один раз, и тогда же она решила, что эта сторона отношений между мужчиной и женщиной вовсе не привлекает ее. Однако она отдавала себе отчет в том, что, когда выйдет замуж за Ройса, ей придется стиснуть зубы и довольно часто сносить его супружеские ласки.

То, что, несмотря на свою неприязнь к интимной близости, Корлисс неизменно предлагала себя Ройсу всякий раз, когда он приезжал навестить ее – что, к счастью, случалось нечасто, – говорило о ее целеустремленности. Она боялась, что если будет уклоняться от его ласк до свадьбы, то он расторгнет помолвку. В конце концов, он вовсе не хотел жениться. Ему было всего двадцать семь лет, и он не спешил связывать себя узами брака. По крайней мере именно так он довольно часто отвечал отцам, имеющим дочерей на выданье. Была и другая причина, хотя сам он никогда не упоминал об этом. Однажды, пять лет назад, он уже был помолвлен с девушкой, в которую был влюблен. Он потерял ее за три дня до свадьбы, и с тех пор ни одна женщина не смогла завоевать его сердце.

Корлисс считала, что Ройс больше никогда не полюбит. Ее он не любил и даже не пытался притворяться. Не могла она прельстить его и тем, что, женившись на ней, он обретет мощного союзника в лице ее отца, потому что они с Ройсом и так были друзьями. Ему не нужно было жениться на ней, чтобы укрепить эту дружбу. С самого начала она не сомневалась, что смогла поколебать его лишь тем, что отдалась ему.

---

[5] Альфред Великий (ок. 849 – ок. 900) – король англосаксонского королевства Уэссекс с 871 г.

Если бы Ройс не был таким завидным женихом, Корлисс предпочла бы вообще никогда не выходить замуж. Но факт оставался фактом – все девушки окрест, включая и трех сестер Корлисс, мечтали заполучить Ройса Уиндхерста в мужья не только потому, что он был богат и пользовался расположением короля, но и потому, что он к тому же был очень красивым мужчиной, даже несмотря на свой невероятный рост – он был выше Корлисс более чем на фут. При этом сочетание темно-каштановых волос и бездонных зеленых глаз было действительно потрясающим. Став его невестой, Корлисс вызвала жгучую зависть у всех этих женщин, и это ей очень нравилось, потому что она любила, когда ей завидовали. Она упивалась ревностью, которую вызывала в окружающих, а ее сестры сейчас буквально изнывали от ревности. Все это стоило того, чтобы терпеть присутствие Ройса в постели и его длительные ласки.

В первый раз все произошло очень быстро. Но во время их последующих свиданий ей казалось, что это тянется целую вечность – его поцелуи и ласки. Против поцелуев она возражала не так яростно, но ласки!.. Он касался самых интимных частей ее тела, а она вынуждена была лежать, содрогаясь от унижения, и выносить все это! Иногда ей даже казалось, что он нарочно продлевает свои ласки, потому что подозревает, как ей это неприятно. Но как он мог догадаться? Она никогда не протестовала и не оказывала ни малейшего сопротивления. Она лежала совершенно неподвижно и позволяла делать с собой все, что ему заблагорассудится. Как еще по-другому она могла дать ему понять, что отдается ему с радостью?

Он несколько озадаченно посмотрел на нее. Она услышала, как он вздохнул, и напряглась, зная по опыту, что сейчас последует. Но в тот момент, когда он раздвинул ее ноги, в дверь постучали.

– Милорд! Милорд, идите быстрее! Внизу ждет ваш человек, он хочет срочно видеть вас!

Ройс поднялся с кровати и потянулся за своей одеждой. Он был рад, что их прервали, хотя это никак не отразилось на его лице. Заниматься любовью с Корлисс превратилось для него в утомительную обязанность, сопровождаемую чувством неудовлетворенности, и он уже давно перестал с нетерпением ждать этих встреч. Больше всего его смущало то, что сам он никогда не проявлял инициативы. Именно она каждый раз приводила его в свою спальню, давая понять, что это как раз то, чего ей хочется. Но стоило им оказаться в постели, как Корлисс превращалась в бесчувственное бревно, в то время как он старался сделать все возможное, чтобы их близость приносила ей радость.

Большинство мужчин это вообще не волновало бы, но Ройс получал огромное наслаждение, доставляя удовольствие своей партнерше. И если быть до конца честным, он гораздо приятнее проводил время в постели с простой рабыней, чем в объятиях своей будущей жены, несмотря на всю ее красоту.

Застегнув пояс поверх кожаной фуфайки, которую он обычно носил в теплое время года, Ройс бросил взгляд на Корлисс. Едва он встал с постели, как она скромно прикрылась. Она даже лишала его радости любоваться ее прелестным обнаженным телом. Внезапно в нем вспыхнул гнев, но он тут же усилием воли притушил его. Он должен принимать во внимание, что Корлисс весьма чувствительна. В конце концов, она была девушкой знатного происхождения, и с ней следовало обращаться деликатно, иначе не избежать сцен со слезами и упреками.

– Милорд, как можете вы оставить меня в такую минуту? – жалобно протянула Корлисс.

«Очень даже просто, моя дорогая», – подумал Ройс, но вслух произнес совсем другое:

– Вы же слышали, что сказала ваша служанка. Меня ждут внизу.

– Но, Ройс, у меня возникает чувство, будто вам все равно… будто я вам не нужна.

Ее глаза налились слезами, и Ройс вздохнул, с трудом сдерживая раздражение. Почему они все себя так ведут? Постоянно плачут без всякой причины, цепляются, требуют уверений в любви. Его мать была такой же, и его тетка, и даже его кузина Дарель, которая жила теперь с ним, – с какой легкостью они могли разразиться слезами, заставляя мужчину страстно

желать оказаться где-нибудь за тридевять земель. Будь он проклят, если станет терпеть подобные выходки от своей жены. Лучше сразу же поставить ее на место.

– Прекратите, Корлисс. Я не выношу слез.

– Вы… вы не любите меня! – разрыдалась она.

– Разве я это сказал? – резко оборвал он ее.

– Тогда останьтесь. Пожалуйста, Ройс!

В эту минуту он почти ненавидел ее.

– Не хотите ли вы, моя милая леди, чтобы в угоду вам я забыл о своих обязанностях? Этого вы не дождетесь. И я не стану потакать вашим капризам, так что можете не рассчитывать на это.

Он вышел из комнаты прежде, чем она успела задержать его, но ее громкие рыдания преследовали его, действуя ему на нервы, пока он спускался вниз. Эта сцена привела его в крайне дурное расположение духа, а когда он увидел своего раба Селдона, поджидавшего внизу, он окончательно вышел из себя. Если бы произошло что-то действительно важное, за ним не стали бы посылать простого раба.

– В чем дело? – рявкнул Ройс.

– Викинги, милорд. Они высадились сегодня утром.

– Что? – Ройс схватил низкорослого Селдона за тунику и начал трясти его. – Не смей врать мне, раб. Датчане сейчас на севере, подавляют восстание в Нортумбрии и готовятся напасть на Мерсию[6].

– Но это не датчане! – пропищал Селдон. Ройс медленно отпустил его и почувствовал, как ледяной страх сковывает его сердце. Он готов был иметь дело с датчанами, которые в настоящий момент захватили два королевства в стране. Они уже предпринимали в 871 году, который именовали теперь Годом Сражений, попытку захватить и Уэссекс, королевство западных саксов, где правил Альфред. Молодому Альфреду, унаследовавшему той весной трон после смерти своего брата Ательреда, было тогда всего двадцать два года. А осенью, после девяти сражений с двумя большими армиями викингов за господство над Уэссексом, Альфред заключил с ними мир.

Никто не рассчитывал, что это перемирие продлится долго, но Альфред выиграл время для того, чтобы перегруппировать свои войска и построить новые защитные сооружения. Лорды и тэны[7] всех графств в течение последних двух лет обучали всех своих свободных подданных искусству владения оружием, попутно укрепляя свои поместья. Ройс пошел еще дальше и стал обучать военному делу даже самых крепких из своих рабов. Он был готов дать отпор датским викингам, которых интересовал лишь захват новых земель. Но никто не ожидал, что викинги нападут с моря и попытаются захватить Уиндхерст врасплох и уничтожить его, как это им уже почти удалось пять лет назад.

Воспоминание об этом последнем набеге викингов на Уиндхерст было мучительным для Ройса. В нем с новой силой вспыхнула ненависть, бушевавшая в его сердце все эти пять лет и стоившая жизни многим датчанам летом 871 года, потому что именно датчане напали на Уиндхерст в 868 году, прежде чем отправиться грабить монастырь в Джурро. Во время этого набега он потерял своего отца, старшего брата и свою возлюбленную Рону, которую сначала поочередно насиловали у него на глазах, а потом перерезали ей горло, в то время как сам он был пригвожден к стене двумя копьями и, обливаясь кровью, не имея возможности прийти к ней на помощь, слушал, испытывая все муки ада, как она кричала и звала его. Ему бы тоже следовало умереть, и он умер бы, если бы викинги задержались дольше.

– Милорд, вы слышали меня? Это викинги из Норвегии.

---

[6] Нортумбрия и Мерсия – мелкие королевства на севере и в центре Британии.

[7] Тэны короля – служилая знать в Англии в раннее Средневековье, дружинники.

Ройс с трудом удержался, чтобы снова не начать трясти его. Какая разница, откуда они? Если они не принадлежали ни к одной из двух северных армий викингов, значит, были морскими пиратами, которые преследовали лишь одну цель – убивать.

– Что-нибудь уцелело от Уиндхерста?

– Но мы разбили их! – ответил Селдон, удивившись его вопросу. – Половина из них убиты, остальные захвачены в плен и закованы в цепи.

На этот раз Ройс все-таки приподнял его и как следует встряхнул.

– Ты что, не мог сразу сказать мне этого, дурак?

– Мне казалось, что я вам сказал. Мы победили.

– Как?

– Лорд Олден созвал всех мужчин на учения на восточное поле. Но мой кузен Арне был в это время на реке и не слышал приказа. Он-то и увидел корабль викингов.

– Всего один?

– Да, милорд. Арне со всех ног помчался к Уиндхерсту, но по дороге на восточном поле встретил лорда Олдена с его людьми. Поскольку все они были вооружены и находились так близко от реки, лорд Олден решил напасть первым. Нам как раз хватило времени, чтобы устроить засаду. Ребята залезли на деревья в лесу возле реки и сверху попрыгали на викингов, когда те проходили под ними. Многие из них были сразу же убиты на месте, так что нам не стоило большого труда захватить в плен остальных.

– Сколько наших людей погибло? – задал наконец Ройс так страшивший его вопрос.

– Всего двое.

– А ранены?

– Немного больше… восемнадцать.

– Восемнадцать!

– Викинги сражались как дьяволы, милорд, здоровенные дьяволы, – оправдываясь, сказал Селдон.

На лице у Ройса появилось суровое, угрожающее выражение.

– Мы отправляемся немедленно, и я сам займусь этими проклятыми пиратами.

– Э-э… милорд, лорд Олден был…

– Убит? – воскликнул Ройс.

– Нет, – поспешно ответил Селдон, зная, как близки кузены между собой. С неохотой он вынужден был признаться: – Но он тяжело ранен.

– Куда?

– В живот.

– Господи помилуй! – простонал Ройс, поспешно выбегая из зала.

Глава 7

Кристен медленно приходила в себя. Ей казалось, что Тор своим огромным молотом бьет ее по голове. Господи, у нее уже начались видения, но головная боль была действительно нестерпимой, такой ей еще не доводилось испытывать. Постепенно она стала ощущать другие неудобства и вдруг внезапно все вспомнила.

Кристен так резко села, что у нее закружилась голова, и она со стоном повалилась набок. Чьи-то руки подхватили ее, она услышала звон цепей и широко раскрыла глаза от изумления. Прямо перед собой она увидела лицо Торольфа, который склонился над ней, потом повернула голову, чтобы посмотреть, кто ее поддерживает. Это был Ивар, друг Селига.

Она села и стала лихорадочно оглядываться по сторонам. Все они сидели на жесткой земле вокруг высокого столба. Их было семнадцать человек, многие потеряли сознание от полученных ран, которые никто не перевязал, и они были прикованы друг к другу длинной цепью, охватывающей лодыжки. Но среди них она не видела Селига.

Девушка снова взглянула в голубые глаза Торольфа и с мольбой в голосе тихо спросила:

– Селиг?

Он медленно покачал головой, и у нее вырвался крик. Ивар моментально зажал рукой ее рот, а Торольф еще ближе наклонился к ней.

– Они еще не успели заметить, что ты женщина! – прошипел он. – Ты что, хочешь, чтобы мы сидели и мучились от сознания собственного бессилия, глядя, как они насилуют тебя? Имей жалость, Кристен. Ты можешь выдать себя своими криками.

Она моргнула, показывая ему, что поняла, и Торольф кивнул Ивару, чтобы тот отпустил ее. Она судорожно вдохнула воздух и согнулась, раскачиваясь, не в силах справиться с пронзившей ее болью утраты. Ей хотелось выть, кричать, чтобы хоть немного дать выход этой боли, которая все нарастала и нарастала, пока Кристен уже наконец не смогла больше сдерживать себя. Горький, мучительный стон вырвался у нее из груди, и в этот момент ей нанесли кулаком удар прямо в челюсть, и она повалилась кому-то на руки.

Когда Кристен снова пришла в себя, солнце уже начало клониться к закату. Она застонала, но тут же спохватилась и медленно села, с упреком глядя на Торольфа.

– Ты ударил меня. – Это было утверждение, а не вопрос.

– Да.

– Надо полагать, я должна быть тебе благодарна за это.

– Конечно.

– Ублюдок.

Если бы это было возможно, он рассмеялся бы над тем, как мягко прозвучало в ее устах это ругательство. Но он не мог этого сделать. Вначале их оставили без охраны, так как противник был занят своими ранеными. Теперь же рядом с ними находились два стражника.

– Позже у тебя еще будет время, чтобы оплакать свою потерю, Кристен, – мягко проговорил Торольф.

– Я знаю.

Она вытянула ноги и посмотрела на свои щиколотки, закованные в железные кандалы. Серебряный шлем, который она одолжила у Оутера, пропал, так же как и ее пояс и украшенный драгоценными камнями кинжал. С нее сняли даже отделанные мехом сапоги.

– Они что, забрали все, что было ценного? – спросила она.

– Да. Они бы взяли и твою меховую фуфайку, если бы она не была такой старой и облезлой.

– И испачканной кровью, – добавила она, глядя на темные пятна, покрывавшие ее с ног до головы, и вспоминая, как кровь хлынула из раны убитого ею высокого воина, когда она

выдернула из его тела свой меч. Она подняла руку, чтобы пощупать шишку от удара по голове, и только тут спохватилась:

– Мои волосы!

Коса все еще была засунута под тунику, но ее все равно безусловно заметят, если посмотрят повнимательнее. Она поспешно принялась отрывать по волоску от косы.

– Постой, Кристен. – Торольф схватил ее за руки, сообразив, что она намеревается сделать. – Чтобы укоротить волосы подобным образом, тебе потребуется целая вечность.

– А ты можешь предложить мне нож? – огрызнулась она.

Он лишь проворчал что-то невнятное в ответ на этот глупый вопрос и принялся внимательно разглядывать ее. Без пояса короткая туника доходила ей до середины бедер, надежно скрывая от постороннего взора тонкую талию. Темно-коричневые чулки топорщились под ослабевшими подвязками, повязанными накрест, и прятали ее стройные ноги. Кисти ее рук и босые ступни были совсем не маленькими, но и не походили на мужские. Однако если хорошенько испачкать их грязью, то это не будет заметно. Надо также измазать грязью ее голые руки, слишком тонкие даже для юноши.

Торольф был удовлетворен осмотром.

– Если бы не твои шикарные волосы, только по твоему голосу можно догадаться, что ты не парнишка. Как ты умудрилась так ловко спрятать грудь?

Кристен густо покраснела и опустила глаза под его любопытным взглядом.

– Ты не должен спрашивать меня о таких вещах.

– Но как тебе это удалось?

– Торольф!

– Да тише ты! Не произноси ни слова, когда они рядом и могут тебя услышать. Мы скажем им, что ты немая, и это решит проблему.

– Но что делать с моими волосами?

Он нахмурился, потом неожиданно улыбнулся и принялся отрывать подол своей кожаной туники. Попросив Ивара прикрыть своим телом Кристен так, чтобы стражники не видели их, он быстро обмотал ей косу вокруг головы и обернул ее широкой полосой из мягкой кожи, которую крепко завязал сзади узлом на шее.

– Но шишка вовсе не здесь, – заметила она.

– Меня совершенно не волнует твоя дурацкая шишка, – возразил он. – Подожди-ка минутку.

Он принялся похлопывать себя по ране на плече, пока из нее снова не стала сочиться кровь, которой он щедро вымазал повязку на голове Кристен.

– Торольф!

– Заткнись, Кристен, или твой голос выдаст тебя и сведет на нет все мои старания. Как ты думаешь, Ивар? Сойдет она теперь за мальчишку?

– С этой распухшей челюстью и перевязанной головой она вряд ли вызовет чей-то интерес, – с улыбкой ответил Ивар.

– Большое спасибо, – проворчала она. Но Торольф не обратил ни малейшего внимания на ее сарказм.

– Конечно, голова получилась слишком большой, но поскольку у них даже мысли не возникнет, что она девчонка, они подумают, будто это просто очень толстая повязка. Кристен сейчас такая грязная и оборванная, что, надеюсь, все будет нормально. Только, Кристен, постарайся, чтобы это сооружение не свалилось у тебя с головы, иначе все пропало.

Она ответила мрачным взглядом на это излишнее предупреждение и заявила:

– По-моему, сейчас самое время наконец сказать мне, где мы находимся.

– Это королевство Уэссекс.

– Саксонский Уэссекс?

– Да.

Ее глаза недоверчиво округлились.

– Ты хочешь сказать, что над нами одержала верх свора низкорослых саксов?

Торольф покраснел, услышав в ее голосе весьма нелестное изумление.

– Они спрыгнули на нас с деревьев, женщина! Половина команды была убита прежде, чем мы поняли, что произошло.

– О, но это нечестно! – воскликнула она. – Они напали на вас из засады?

– Да. Для них это был единственный шанс одержать верх, ведь их было не больше, чем нас. Самое нелепое во всем этом то, что нас вовсе не интересовали ни они, ни их имущество. Мы вообще собирались обойти стороной эту усадьбу, куда они нас сейчас притащили. Мы направлялись… – Он замолчал, неожиданно смутившись. – Да ладно, это теперь не важно.

– Куда вы направлялись?

– Никуда.

– Торольф!

– Клянусь Тором, можешь ты говорить тихо или нет? – рявкнул он. – Мы собирались ограбить монастырь.

– О нет, Торольф, этого не может быть!

– Может, поэтому Селиг и не хотел ничего говорить тебе, зная, как ты к этому отнесешься. Но это был наш единственный шанс наложить руки на богатства этой страны, Кристен. Датчане все равно скоро все захватят. Мы просто хотели опередить их и получить свою долю. Мы вообще никого не собирались убивать. Нас интересовали лишь баснословные богатства монастыря Джурро.

– Откуда вы знали, как туда добраться?

– Сестра Флокки, та, что вышла замуж за датчанина, в прошлом году приезжала домой погостить. Она многое порассказала о том, что здесь происходит, особенно о неудавшейся попытке захватить Джурро в 871 году, когда войска короля Гуторма и Хафдана из Уайд-Имбрес впервые сообща напали на Уэссекс. Сейчас они заняты подавлением мятежа в Мерсии, а как только наведут там порядок, то снова вернутся сюда. Если не в этом или следующем году, так чуть позже. Неужели ты думаешь, что они оставят в покое эти богатые, плодородные земли? И эти низкорослые саксы не смогут дать им отпор.

– Но вас они ведь умудрились-таки одолеть, – напомнила она.

– Такова была воля Одина.

– И они не все такие уж низкорослые, Торольф. Тот, которого я убила, был не ниже тебя.

– Да, я видел его, когда они привезли телеги, чтобы доставить сюда раненых. Но ты его не убила, Кристен, по крайней мере он пока еще не умер.

Она даже застонала от огорчения.

– Ты хочешь сказать, что я даже не смогла отомстить за своего брата?

Он погладил ее по щеке, стараясь утешить, но тут же быстро убрал руку, чтобы стражники не заметили.

– Он скоро умрет, я уверен в этом. Когда его вносили вон в тот большой дом, из раны у него на животе хлестала кровь.

Кристен содрогнулась при напоминании об этой жестокой бойне в лесу, хотя сама была не только ее свидетельницей, но и участницей. Но ее вмешательство было оправданно. Как смогла бы она посмотреть в глаза своим близким, если бы не попыталась отомстить убийце собственного брата?

Девушка повернулась в ту сторону, куда показывал Торольф, не желая думать о пролитой ею самой крови. Она увидела огромный двухэтажный дом, построенный в основном из дерева, с многочисленными окнами, большими и маленькими, которые пропускали дневной свет, но,

без сомнения, и зимний холод тоже. Вокруг дома стояло множество маленьких построек, и вся усадьба была обнесена деревянным забором, крепким, но не слишком высоким.

– Ага, ты сама видишь, как просто было бы захватить это место, – заметил Торольф.

– Но они неплохо готовятся к нападению датчан. Взгляни туда. – Она указала на груду огромных камней, возвышавшуюся в дальнем конце двора. – Похоже, они собираются построить стену покрепче.

– Да, мы видели кучи камней и снаружи, – согласился он, а потом презрительно рассмеялся. – Но датчане будут здесь раньше, чем они успеют закончить свои приготовления.

Кристен лишь пожала плечами, потому что их это не должно было волновать. Она не сомневалась, что они смогут убежать отсюда гораздо раньше.

Бросив еще один взгляд на большой дом, она слегка нахмурилась.

– Судя по величине этого дома, он должен принадлежать знатному лорду. Как ты думаешь, может, тот высокий воин и есть их господин?

– Нет. Судя по тому немногому, что я понял из их разговоров, хозяина сейчас здесь нет. Но думаю, что за ним уже послали. Похоже, мне следовало бы быть поприлежнее, когда ты пыталась обучить меня родному языку старой Альфреды.

– Это верно, тем более что ты будешь единственным из нас, кто сможет вести с ними переговоры, если я должна буду изображать немую.

Он улыбнулся.

– Тебе будет не очень трудно держать язык за зубами, когда они окажутся поблизости?

Она презрительно фыркнула в ответ на его поддразнивание.

– Как-нибудь справлюсь.

Глава 8

Один из саксов набрался смелости и подошел к пленникам, чтобы вдеть факел в специальное отверстие в столбе, вокруг которого они сидели. Шестеро стражников стояли рядом с мечами наготове на тот случай, если викинги нападут на смельчака. Кристен с трудом удержалась, чтобы не улыбнуться, когда сакс проходил мимо нее. Она слышала, как стражники спорили между собой, кто понесет факел, потому что ни один из них не хотел приближаться к пленникам, несмотря на то что те были скованы и спокойно сидели на земле. Среди них было столько раненых, что они не представляли никакой угрозы, по крайней мере в настоящий момент. Но саксы предпочитали не рисковать.

Факел предназначался не для удобства пленников, а для того, чтобы троим оставшимся стражникам было легче присматривать за ними теперь, когда наступила ночь. Пленникам не принесли ни еды, ни перевязочных материалов, чтобы они могли позаботиться о раненых. Это не сулило ничего хорошего. Еда была им необходима, чтобы подкрепить силы, если они хотят выбраться отсюда. Из того, что их не кормили, можно было сделать разные выводы, в том числе тот, что им недолго оставаться в живых.

Это предположение подтвердилось, когда стражники начали переговариваться между собой. Тот из них, который приносил факел, очевидно, осмелел после того, как ему не причинили никакого вреда, и говорил громче всех, так что его слова доносились до пленников.

– Почему, когда он хвастается, то постоянно смотрит в твою сторону? – спросила Кристен у Торольфа.

– Я единственный, кто может с ними объясняться. Они решили, что мы датчане, – с презрением сказал он. – Я вывел их из этого заблуждения. Датчане пришли сюда, чтобы захватить их земли. Мы же хотели лишь ограбить их.

– И ты надеялся, что это заставит их лучше относиться к нам? – насмешливо спросила Кристен.

– Тем не менее не вредно было довести это до их сведения, – засмеялся Торольф.

– Ты так думаешь? – мрачно спросила она. – Видно, ты не слушаешь, о чем они говорят.

– Честно говоря, этот недорослый ублюдок говорит слишком быстро для меня, и я понимаю лишь отдельные слова. О чем идет речь?

Кристен несколько минут напряженно прислушивалась, затем на ее лице появилось выражение отвращения, которого она не смогла скрыть.

– Они упоминают какого-то Ройса. Один говорит, что он сделает нас своими рабами. А тот хвастун утверждает, что Ройс слишком ненавидит викингов, чтобы оставить нас в живых, и что сразу же по возвращении он подвергнет нас пыткам и замучает до смерти.

Она не стала уточнять, что маленький хвастун по имени Ханфрит предположил, что Ройс воспользуется изобретательностью самих викингов и применит пытку, которой датчане подвергли короля Восточной Англии, когда захватили его в плен. Короля поставили к дереву и использовали в качестве мишени для стрельбы из лука, пока тот не стал похож на ежа. А когда его оторвали от дерева, он был еще жив, но мясо с его спины было полностью содрано так, что были видны ребра. Несомненно, отвратительная пытка, но другой стражник предположил, что скорее от пленников будут отрезать по маленькому кусочку и бросать на съедение собакам, заставляя несчастных смотреть на это зрелище и стараясь как можно дольше продлить их мучения.

Что толку было рассказывать обо всем этом Торольфу? Пытка есть пытка, не важно какая. Если они должны будут умереть, когда приедет этот человек по имени Ройс, значит, им нужно бежать немедленно.

Она повернулась и стала внимательно разглядывать высокий столб, вокруг которого они были скованы, образуя замкнутое кольцо. Он был примерно в три человеческих роста. Длина цепи, тянувшейся от щиколотки одного пленника до щиколотки другого, была даже больше, чем она могла рассчитывать, по меньшей мере в две длины руки, что было очень глупо со стороны саксов, так как давало достаточно возможностей для маневра.

– Понадобится всего три, ну, может быть, четыре человека, чтобы перелезть этот столб, – принялась размышлять она вслух.

– Несомненно, поэтому они и сделали так, чтобы три здоровых мужчины не оказались скованными подряд.

Это сказал Ивар, и, взглянув на него, она увидела открытую рану у него на ноге, с которой было практически невозможно влезть на столб. А у мужчины, прикованного по другую сторону от Торольфа, из плеча все еще торчал наконечник стрелы.

– Я мог бы нести на себе одного человека, – сказал Торольф, – но это получится очень медленно. Наши спины изрешетят стрелами прежде, чем мы взберемся наверх.

– А нельзя вытащить этот столб из земли? – предложила Кристен.

– Чтобы сделать это, нам всем придется встать, что насторожит их. Мы могли бы раскачать столб, но он будет падать очень медленно, и они тоже успеют заметить это и схватятся за мечи. И даже если мы справимся с этой задачей, слишком многие из нас погибнут и превратятся в мертвый груз, не позволяющий другим передвигаться быстро, поскольку мы все скованы между собой. Если они не дураки, то даже не станут подходить близко к нам, чтобы мы не отняли у них оружие. Они просто будут осыпать нас стрелами с безопасного расстояния.

Кристен с трудом сдержала стон разочарования.

– Значит, раз цепь держит нас скованными вместе, у нас уже нет никакой надежды?

– Нет, до тех пор пока не затянутся наши раны и мы не сможем раздобыть какое-нибудь оружие, – ответил Ивар.

– Не унывай, Кристен! – беспечно улыбнулся Торольф. – Вдруг они решат, что мы сможем быть им полезны и обучим их военному искусству для того, чтобы они могли дать отпор датчанам.

– А потом они отпустят нас с миром, чтобы мы продолжали пиратствовать, не так ли?

– Ну конечно!

Она только презрительно фыркнула в ответ, но все же добродушное подшучивание Торольфа заставило ее почувствовать себя лучше. Если им суждено умереть, они умрут вместе, сражаясь, а не безропотно позволяя саксам замучить их до смерти. Таковы были обычаи викингов, а она, хоть и была христианкой, все равно оставалась дочерью своего народа.

Она как раз собиралась произнести это вслух, когда деревянные ворота открылись и во двор въехали два всадника.

Но лишь один из них по-настоящему заслуживал внимания, и Кристен не спускала с него глаз, пока он медленно подъезжал к ним на своем огромном вороном коне. Когда он спешился всего в нескольких футах от них, она с изумлением обнаружила, что он был почти такого же роста, как и ее отец, то есть, по сути, выше большинства ее товарищей по несчастью. Он был молод и при таком росте отнюдь не отличался хрупким телосложением. У него были богатырские плечи и широкая грудь. Кожаная фуфайка без рукавов больше походила на куртку, открывая взору густую черную поросль на груди, доходившую почти до самой шеи, и могучие, мускулистые руки – руки настоящего воина. Туго перетягивающий талию ремень подчеркивал, что на всаднике не было ни капли жира.

Его длинные ноги тоже были сильными и стройными, и, в отличие от викингов, этот человек был одет в плотно облегающие короткие штаны, доходившие ему до колен и заправленные в некое подобие гетр, перевязанных крест-накрест кожаными подвязками, украшенными металлическими заклепками.

Черты его лица были правильными и необычайно красивыми: прямой нос, четко очерченные, плотно сжатые губы, по форме которых можно было судить о присущей его характеру жесткости, и квадратный подбородок, лишенный бороды, но заросший темной щетиной. Густые, волнистые темно-каштановые волосы доходили ему до плеч и непослушными прядями спадали на высокий лоб и на виски.

Но больше всего приковывали к себе внимание его глаза. Чистого темно-зеленого цвета, они были исполнены такой ненависти и злобы, что Кристен затаила дыхание в тот момент, когда его взгляд небрежно скользнул по ней. Она перевела дух лишь после того, как он наконец коротко отдал какое-то распоряжение одному из стражников, повернулся и направился к дому.

– Что-то его вид мне не понравился, – пробормотал Ивар. – Что он сказал?

Другие стали задавать тот же вопрос, но Кристен лишь угрюмо качала головой.

– Скажи им ты, Торольф.

– Мне кажется, я не совсем понял, о чем шла речь, – уклончиво ответил он.

Кристен бросила на него сердитый взгляд. Их товарищи имели право знать, что их ждет, но либо у Торольфа не хватало духу сообщить им это, либо он не поверил в то, что услышал.

Кристен посмотрела на Ивара, но тут же отвела глаза в сторону.

– Он сказал: «На рассвете убейте их».

Ройс вошел в зал и обнаружил, что на полу лежат раненые. Решив поговорить с каждым из них позже, он быстро взбежал по лестнице, расположенной в дальнем углу зала, и направился прямо в спальню своего кузена.

Олден, вытянувшись, лежал на кровати, укрытый до самой шеи стеганым одеялом, и, глядя на его бледно-восковое лицо, Ройс застонал, решив, что тот уже умер. Это подтверждал и плач женщин, находившихся в комнате. В углу всхлипывали две служанки, время от времени делившие с Олденом постель; восьмилетняя Меган, единственная сестра Ройса, сидела около маленького столика и плакала, закрыв лицо руками. Дарель, сестра Олдена, стояла на коленях возле постели, зарывшись лицом в одеяло, и безудержные рыдания сотрясали ее хрупкое тело.

Ройс обратился к единственной из присутствовавших в комнате женщин, которая не плакала, – Эрте-Целительнице.

– Он умер только что? Я опоздал всего на несколько минут?

Старуха откинула назад свои длинные спутанные волосы и улыбнулась ему.

– Умер? Он может еще остаться в живых. Не нужно хоронить его раньше времени.

При этих словах на лице Ройса отразилась смесь облегчения и раздражения. Он дал выход своему гневу.

– Вон отсюда! – рявкнул он на обливающихся слезами женщин. – Приберегите свои рыдания до тех пор, когда они действительно понадобятся!

Дарель резко повернула к нему свое распухшее от слез лицо с покрасневшими глазами и с негодованием воскликнула:

– Он мой брат!

– Верно, но своими воплями ты только вредишь ему. Как он может заснуть, чтобы набраться сил, если вы подняли здесь такой шум? Ему не нужны твои слезы, он и так знает, что ты любишь его, Дарель.

Дарель поднялась с колен. Ее голова едва доходила ему до груди, и если бы она осмелилась, то принялась бы молотить кулаками по этой груди. Но вместо этого она запрокинула голову и сердито уставилась на него.

– Какой ты бессердечный, Ройс! Я всегда это говорила!

– Да ну? В таком случае тебя не удивит, если твои слова нимало не заденут меня. Иди и приведи себя в порядок. После этого можешь вернуться и посидеть с Олденом – если, конечно, ты в состоянии не устраивать при этом истерик.

Две служанки к этому моменту уже удалились из комнаты. Дарель величавой поступью последовала за ними. Эрта знала, что его слова к ней не относились, но тем не менее тоже ушла, прихватив с собой корзину с целебными травами. Ройс взглянул на маленькое испуганное личико своей сестры и смягчился.

– Я не сержусь на тебя, малышка, поэтому не нужно так смотреть на меня, – ласково сказал он, протягивая к ней руку. – Почему ты плакала? Ты думала, что Олден умрет?

Меган бросилась к нему и обхватила его руками за бедра, так как ростом была ему всего по пояс.

– Эрта сказала, что он может и не умереть, поэтому я стала молиться, но тут Дарель принялась плакать, и я…

– Твоя кузина с ранних лет подает тебе плохой пример, малышка. Но ты правильно сделала, что стала молиться, ведь Олден нуждается в твоих молитвах, чтобы быстрее поправиться. Но неужели ты думаешь, что он будет доволен, увидев, как ты плачешь, вместо того чтобы радоваться, что он еще жив после схватки с нашими смертельными врагами? – Ему не хотелось лишний раз ругать ее за слезы, потому что она была очень робким ребенком и плакала по любому поводу. Вместо этого он взял ее на руки, вытер мокрые красные щеки и сказал: – Иди ложись в кровать, Меган, и молись за Олдена, пока не заснешь. Ну беги. – Он поцеловал ее в лоб и опустил на пол.

– Спасибо, Ройс, – раздался слабый голос Олдена, когда дверь за Меган закрылась. – Не знаю, как долго у меня хватило бы сил притворяться, что я сплю, потому что всякий раз, когда я приоткрывал глаза, Дарель разражалась воплями, умоляя меня не умирать.

Ройс расхохотался и подвинул стул к кровати.

– Этот болван Селдон сказал мне, что ты ранен в живот, и, клянусь Богом, я уже не рассчитывал застать тебя в живых и уж тем более не надеялся, что ты в состоянии разговаривать!

Олден попытался было улыбнуться, но тут же сжал зубы от боли.

– Мне повезло, удар пришелся чуть вбок, не то у меня все кишки выпали бы наружу. Бог мой, ну и боль! И подумать только, это сделал совсем молоденький парнишка, да еще с самыми красивыми глазами, которые мне только доводилось видеть!

– Опиши мне его, и, если он находится внизу среди пленников, я прослежу, чтобы он хорошенько помучился, прежде чем умереть.

– Ройс, он же совсем мальчик, которому вовсе и не следовало бы там быть!

– Если их дети участвуют в набегах, они должны быть готовы к тому, чтобы умереть, – сердито сказал Ройс.

– Значит, ты собираешься убить их?

– Да.

– Но почему?

– Ты сам знаешь почему, – мрачно ответил Ройс.

– Да, я знаю, почему ты этого хочешь, но тебе не кажется, что будет лучше использовать их? Они разбиты наголову. Мы захватили их корабль, и Уэйт сказал мне, что он был нагружен богатыми товарами, которые теперь принадлежат тебе. Лайман постоянно жалуется, что наши рабы недостаточно сильны, чтобы перетаскивать огромные камни и строить из них стену. Посмотри, сколько месяцев ушло только на то, чтобы притащить камни сюда. Он уже пускает слюни, глядя на могучие спины пленников. Ты должен сам признать, Ройс: эти викинги способны построить стену вдвое быстрее, к тому же будет весьма забавно, если им придется возводить укрепления для защиты от своих же собратьев-датчан.

Но выражение лица Ройса не изменилось.

– Я вижу, вы с Лайманом уже успели спеться на этот счет.

– Да он только об этом и говорил всю дорогу, пока вез меня сюда на телеге. Но он прав, Ройс. Зачем убивать их, если от живых тебе будет намного больше пользы?

– Ты знаешь, что я люблю тебя больше, чем родного брата, Олден. Как же ты можешь предлагать мне жить рядом с ними, постоянно думая о том, что они могут сбежать, предварительно перерезав нас всех во сне?

– Я этого не предлагал. Можно принять достаточные меры предосторожности, чтобы этого не случилось. Просто я предлагаю тебе подумать, прежде чем расправиться с ними.

Дверь открылась, и на пороге появилась Дарель. Глаза ее теперь были сухими, но она все равно бросала злобные негодующие взгляды в сторону Ройса. Они выросли вместе, все трое. Олден был на год моложе Ройса, а Дарель на два года моложе своего брата. Они были единственными близкими Ройсу людьми, за исключением Меган, и он любил их обоих. Но иногда ему страстно хотелось оказаться где-нибудь подальше от Дарель – так трудно было выносить ее капризы и беспричинные истерики.

– Итак, ты обвинил меня в том, что я не даю ему спать, а сам что делаешь? Заставляешь его разговаривать, задаешь вопросы об этих проклятых язычниках?

Ройс воздел глаза к небу, потом улыбнулся Олдену.

– Оставляю тебя на попечение твоей сестры.

И вышел из комнаты, а Олден с тоской посмотрел ему вслед.

Глава 9

Ройс наблюдал, как его сестра пробежала через зал, выглянула в открытую дверь, потом повернулась, нахмурившись, и побежала обратно к лестнице, по которой только что спустилась вниз. Он окликнул ее прежде, чем она успела поставить ногу на первую ступеньку. Она направилась, но уже не так быстро, к длинному столу – туда, где он одиноко сидел за утренней трапезой. Сама она уже позавтракала вместе со своей служанкой Уделой.

Дарель, которая была все еще сердита на него за вчерашнее, отказалась сесть с ним за стол, однако с того места, где она склонилась над одним из раненых, наблюдала за происходящим. Она заметила, с какой нерешительностью Меган приближалась к своему грозному брату.

Скованность Меган в его присутствии стоила Ройсу немалых мучительных переживаний, потому что он сам был виноват в этом. В течение первого года после того, как Ройс потерял стольких близких ему людей во время набега викингов, он вел себя отвратительно. Меган же была еще слишком мала, чтобы понять, что он чувствовал и почему был так груб со всеми, в том числе и с ней. Она стала бояться его и так и не смогла преодолеть этот страх, хотя он, как только понял, что происходит, начал обращаться с ней с подчеркнутой нежностью и заботой.

Но, к сожалению, было уже поздно – Меган стала бояться незнакомых людей, громких голосов, ссор, и во всем этом он винил только себя. Он знал, что она любит его. Она всегда бросалась к нему, если нуждалась в защите. Но в то же время она была с ним так стеснительна, так робка и покорна, словно постоянно боялась, что он отругает или даже накажет ее. На самом деле она вела себя так со всеми мужчинами, но Ройс очень близко принимал к сердцу то, что для него она не делала исключения.

– Ты побоялась выйти из дому? – ласково спросил он, когда она наконец остановилась возле него и опустила голову.

– Нет, мне только хотелось взглянуть на викингов. Удела сказала, что это плохие люди, но мне они показались самыми обыкновенными ранеными воинами. – Она бросила на него быстрый взгляд, словно не знала, как он воспримет ее слова, но, увидев его улыбку, немного расслабилась.

– А ты не думаешь, что они могут быть ранеными плохими людьми?

– Может быть, но все равно они не показались мне такими уж плохими. Один из них, по-моему, даже улыбнулся мне. Ройс, неужели такие молодые люди могут быть уже настолько испорченными? Я думала, что человек должен долгое время жить в грехе, прежде чем стать совсем дурным.

– Эти люди не верят в Бога, который мог бы отвратить их от греха, поэтому не важно, молоды они или нет.

– Удела говорит, что еще их делает плохими то, что у них много богов.

– Нет, это только лишь делает их язычниками, приносящими жертвы своим богам. Ты боишься их?

– Да, – робко созналась она.

Неожиданно для себя он спросил:

– Меган, как, по-твоему, я должен поступить с ними?

– Заставь их уехать отсюда.

– Чтобы они могли вернуться в следующий раз и снова напасть на нас? Нет, этого я не могу допустить.

– Тогда сделай их христианами.

Ройс рассмеялся, услышав такое простое решение.

– Это может сделать лишь наш славный аббат, но не я.

– Тогда как же ты поступишь с ними? Удела думает, что ты их убьешь. – При этих словах Меган поежилась.

– Удела слишком распускает свой язык, – нахмурился Ройс.

Меган снова опустила глаза.

– Я сказала ей, что ты этого не сделаешь, потому что они больше не сражаются, а ты можешь убить человека только на поле битвы.

– Иногда бывает необходимо… – Он остановился и покачал головой. – Это не важно, малышка. Что ты скажешь, если я заставлю их строить нашу стену?

– А они согласятся работать на нас?

– О да, я думаю, что они согласятся, если у них будут для этого достаточно веские мотивы, – ответил он.

– Ты имеешь в виду, что у них не будет выбора?

– У пленных, каковыми они сейчас являются, редко бывает выбор, малышка. Если бы они победили и увезли тебя в свою страну, то сделали бы тебя рабыней. Значит, они должны быть готовы сами оказаться в таком же положении.

Он поднялся, потому что было уже довольно много времени, и если до того он никак не мог прийти к какому-либо решению, то теперь, поговорив с Меган, наконец сделал свой выбор.

– Только хочу предупредить тебя, – добавил Ройс, убирая с ее щеки упавшую прядь волос. – Пока они будут здесь, не подходи к ним близко. Они очень опасные люди, как бы ни выглядели. Ты должна пообещать мне, Меган.

Она робко кивнула, потом долго смотрела ему вслед, пока он шел к выходу. Как только он скрылся из виду, она помчалась наверх, чтобы сообщить своей ворчливой старой служанке, что викингов все-таки оставят в живых.

Солнце уже стояло высоко, когда Ройс вышел из дома и направился к ним. Кристен, как и все остальные, ждала этого момента, размышляя о том, что ей не суждено больше увидеть своих родителей, что теперь у нее никогда не будет мужа и детей, и о том, что она вообще вряд ли доживет до завтрашнего дня. Она решила встретить смерть достойно, но все равно умирать ей не хотелось.

Двое стражников остановили Ройса, чтобы сказать что-то, затем пошли за ним. Среди ночи низкорослого сакса по имени Ханфрит сменил другой часовой, но он снова вернулся рано утром, чтобы поиздеваться над пленниками, описывая предстоящие им пытки. Сейчас он подошел прямо к Торольфу и плашмя ударил его мечом по голой ноге.

– Мой господин Ройс желает говорить с тобой, викинг! – с важностью объявил он.

Кристен ущипнула Торольфа, чтобы он встал, но тот оттолкнул ее руку и не тронулся с места. Как и все остальные, он весь напрягся, готовый броситься на саксов, как только те попытаются разъединить их для того, чтобы начать пытку. И хотя, похоже, это время еще не наступило, поскольку к ним подошли всего лишь трое, он не желал рисковать.

Темно-зеленые глаза саксонского лорда небрежно скользили по лицам пленных, словно он видел их впервые. В отличие от вчерашнего выражение его лица было абсолютно непроницаемым. Конечно же, глядя при ярком свете дня на их плачевный вид, он, несомненно, решил, что они не представляют для него никакой угрозы, иначе он не посмел бы подойти к ним так близко. Эта его беспечность была почти вызывающей.

«Он не боится, этот сакс», – подумала Кристен, но в этот момент его беглый взгляд неожиданно задержался на ней. Она быстро опустила ресницы, чувствуя, как у нее сжалось сердце оттого, что эти темные глаза выделили ее из толпы, и опасаясь, что сакс каким-то образом сумел раскрыть ее секрет.

Она не осмеливалась поднять голову, пока не услышала его голос, но это лишь усилило ее беспокойство. Она совсем не подумала о том, что, будучи прикованной непосредственно

к Торольфу, который один мог объясняться с саксами на их языке, сама окажется в центре внимания. Кристен быстро нырнула за его широкую спину и сгорбилась, стараясь остаться незамеченной.

Сакс смотрел на Торольфа сверху вниз.

– Мне сказали, что ты говоришь на нашем языке.

– Немного, – признал Торольф.

– Кто ваш предводитель?

– Убит.

– Корабль принадлежал ему?

– Его отцу.

– Как твое имя?

– Торольф Эриксон.

– Тогда покажи мне вашего нового предводителя, которого вы наверняка уже выбрали.

Торольф ничего не ответил на это, потом, после небольшой паузы, попросил:

– Скажи медленнее.

Ройс нетерпеливо нахмурился.

– Ваш новый предводитель. Кто он?

Торольф улыбнулся и крикнул:

– Оутер, встань и представься саксу.

Кристен знала, что ее кузен не понял из сказанного ни слова, но когда Торольф окликнул его, тот нерешительно поднялся. Он был на противоположной стороне круга от Кристен, но прошлой ночью умудрился подползти к ней, хотя для этого ему пришлось тащить за собой трех человек. Оба его брата погибли, но так же, как и она, он старался не показывать своего горя. Поскольку он был самым старшим из них и к тому же кузеном Селига, остальные считали его теперь своим предводителем.

– Его имя? – спросил Ройс, пристально оглядев Оутера с ног до головы.

– Оутер Хаардрад, – ответил Торольф.

– Очень хорошо. Скажи Оутеру Хаардраду, что меня убедили проявить милосердие. Я не могу отпустить вас, но готов предоставить вам кров и еду, если вы будете работать на меня. Я хочу, чтобы вы построили вокруг усадьбы каменную стену. Если вы откажетесь работать, вас не будут кормить. Это все.

Вместо того чтобы снова просить сакса повторить это помедленнее, Торольф обвел рукой своих товарищей и сказал:

– Поговорить.

Ройс кивнул.

– Вы можете обсудить мое предложение.

Торольф сделал всем знак собраться в кучу, но это было лишь предлогом для того, чтобы спрятать от посторонних взоров сидящую в центре Кристен, пока она будет говорить.

– Клянусь Тором! О чем шла речь, Кристен?

Она широко улыбнулась.

– Он не собирается убивать нас. Вместо этого он хочет, чтобы мы построили ему каменную стену.

– Я не собираюсь гнуть спину на этого ублюдка!

– В таком случае ты волен умереть с голоду, – возразила Кристен. – Его условия совершенно четкие. Мы должны работать в обмен на то, что он предоставит нам пищу и кров.

– Как рабы!

– Не будьте идиотами, – прошипела она. – Это даст нам необходимое время, чтобы подготовить побег.

– Верно, и залечить раны, – согласился Оутер. – Скажи ему, Торольф, что мы согласны. Не стоит давать ему повод думать, будто среди нас есть такие, кто не хочет принять его условия.

На этот раз Торольф поднялся и позвал Ройса.

– Цепи? – было первое, что он спросил.

– Они остаются. Не думайте, что я настолько глуп, чтобы доверять вам.

Торольф медленно улыбнулся и кивнул. Сакс был осторожен, но он не принял в расчет, что в скором времени ему придется иметь дело с окрепшими, залечившими свои раны викингами, исполненными решимости бежать во что бы то ни стало.

Глава 10

Старуха, присланная перевязать пленникам раны, была грязной и нечесаной, в узкой рубахе с длинными рукавами, поверх которой была наброшена похожая на мешок туника. Для своих лет ходила старуха очень прямо и энергично. Она сказала, что ее зовут Эрта, и, судя по всему, считала, что уже достаточно пожила на свете, поэтому была дерзка, бесстрашна и язвительна, словно уже давно перестала заботиться о том, какие последствия могут повлечь за собой ее поступки.

Появление этой старухи одновременно и позабавило, и насторожило Кристен. Она наблюдала, как Эрта бесцеремонно обращалась с мужчинами, которые казались гигантами рядом с ней, и только смеялась, когда они ворчали или огрызались в ответ. Кристен насторожилась, потому что рано или поздно Эрта подойдет и к ней, чтобы осмотреть предполагаемую рану на голове, а этого допустить было нельзя.

Кристен тоже была не в лучшем расположении духа из-за жары, к которой они все были непривычны. Большинство мужчин обрезали свои высокие чулки, почти полностью оставив ноги открытыми, но, как Кристен ни хотелось последовать их примеру, она не могла себе этого позволить. Она готова была уже пожалеть Эрту, которая была так основательно закутана, да еще, несомненно, носила под рубахой нижнюю сорочку, но, судя по всему, жара не причиняла ей никакого неудобства. Да и ничего удивительного, ведь саксы, должно быть, привыкли к такому климату.

Закончив перевязывать Ивара, Эрта присела на корточки рядом с Кристен, жестом предлагая ей показать, куда она еще ранена помимо головы, поскольку та вся была покрыта засохшими пятнами крови. Кристен лишь отрицательно покачала головой. Тогда Эрта потянулась к повязке на ее голове, и Кристен ударила ее по руке, на что Эрта ответила ей тем же. Когда Эрта снова попыталась снять с нее повязку, Кристен вскочила на ноги, надеясь, что ее устрашающий рост заставит щуплую знахарку отступить. Но это не помогло. Ей пришлось крепко схватить Эрту за запястья, чтобы не дать ей добраться до своей головы. И тут же она почувствовала, как острие меча уперлось ей в бок.

Сразу несколько викингов вскочили на ноги, и стражник, пришедший на помощь Эрте, отступил. Он был так напуган, что стал звать на помощь.

Кристен застонала в отчаянии, увидев, что натворила, хотя у нее не было другого выхода. Семеро саксов бежали по направлению к ним с обнаженными мечами в руках. Она смерила Эрту сердитым взглядом за то, что та проявила такое упрямство, а потом отпустила ее руки. Пытаясь остановить старуху, Торольф тут же загородил собой Кристен.

К счастью, подбежав к пленникам, саксы остановились в нерешительности, увидев, что Эрте уже ничто не угрожает.

– В чем дело? – резко спросил Ханфрит.

– Этот парень не позволяет мне перевязать свою рану, – пожаловалась Эрта.

Ханфрит повернулся к Торольфу за объяснениями, но тот лишь коротко ответил:

– Уже здоровый. Не трогайте его.

Ханфрит что-то буркнул, а потом набросился на Эрту за то, что она явилась причиной этого переполоха.

– Если этот парень способен так резво вскочить на ноги, то ему не нужна твоя помощь, женщина.

– Повязку нужно сменить, – принялась настаивать Эрта. – Она вся пропитана кровью.

– Оставь его, я сказал. Ухаживай лучше за теми, кто в этом нуждается. А остальных оставь в покое. – И, обернувшись к Торольфу, он добавил: – Предупреди своего друга, чтобы впредь он не распускал руки.

Ханфриту, по-видимому, не захотелось заострять внимание на этом инциденте, когда он увидел, что столько викингов готовы встать на защиту этого юнца. Но Эрта была весьма недовольна и удалилась, бурча себе под нос, что парень ведет себя как девчонка. Один из саксов заметил, что, может быть, именно поэтому викинги и взяли его с собой, и стражники рассмеялись.

При этих словах Кристен покраснела, а когда Торольф заметил это и спросил ее, в чем дело, она покачала головой и еще пуще залилась румянцем. Чтобы подразнить ее, он принялся настаивать, потому что обычно смутить Кристен было нелегко. Но она сердито стукнула его по руке и уселась спиной к нему.

С этого места ей хорошо был виден дом, и она заметила, что из окна второго этажа за ними наблюдает какой-то мужчина. Его лицо было в тени, поэтому она не могла узнать его, но ей стало неприятно, что их видел кто-то еще, кроме стражников. Когда Кристен разговаривала с Торольфом или еще с кем-нибудь, она обычно следила лишь за тем, чтобы поблизости не было кого-нибудь из охраны. Теперь, когда она обнаружила, что из дома их тоже хорошо видно, ей придется быть осторожнее.

После ухода Эрты их покормили, и всем, у кого отняли сапоги, польстившись на то, что они были новыми или сделанными из хорошей кожи, вернули их, хотя они все равно не могли надеть их поверх цепей. Однако чуть позже в тот же день ситуация изменилась, когда появился кузнец.

С них сняли цепи и заковали каждого в отдельные кандалы, представляющие собой два железных обруча, соединенных короткой цепью. В обручах имелись отверстия для ключа, так что их можно было снимать, хотя самого ключа поблизости видно не было. Помимо этого на каждом обруче имелось небольшое железное кольцо, в которое можно было продеть дополнительную общую цепь. Она была длиной всего в двадцать футов, и когда ею сковывали всех пленников и соединяли концы, круг, который они образовывали вокруг высокого столба, становился гораздо меньше, что значительно ограничивало их возможности.

Кристен возмутили принятые против них меры предосторожности. Она полагала, что на время работы длинную общую цепь будут снимать, но оставшаяся короткая цепь между обручами, охватывающими щиколотки, позволит им перемещаться лишь мелкими неторопливыми шажками, и она уже заранее представляла, как они будут спотыкаться и падать друг на друга, пока не привыкнут кое-как ковылять в этих кандалах. Это будет унизительно, но, может быть, саксы именно на это и рассчитывали.

Как и всем остальным, Кристен вернули ее сапоги, хотя меховая опушка была оторвана. Но по крайней мере они не давали железным колодкам сильно натирать ее ноги, хотя обручи настолько плотно сжимали щиколотки, что, без сомнения, в скором времени должны были протереть дыры в мягкой коже. Поскольку ее ноги были тоньше, чем у остальных, кузнецу пришлось специально посылать за парой обручей, которые были очень маленькими и, как она полагала, предназначались для мальчишек ростом гораздо меньше ее.

Всю ночь шел сильный дождь, и оставленные под открытым небом пленники чувствовали себя очень неуютно. Хуже всего пришлось Кристен, которая изо всех сил пыталась защитить от дождя повязку на голове, чтобы с нее не смыло кровь. В конце концов Торольф рассмеялся, заметив ее тщетные старания, и пришел ей на помощь, прикрыв своими руками ее голову и навалившись на нее всем телом. В результате повязка осталась сухой, но они вынуждены были провести ночь в очень неудобной позе.

Из своего окна Ройс наблюдал за происходящей внизу сценой. Он видел, как парнишка протестовал и пытался оттолкнуть Торольфа, как тот шлепнул его пониже спины и прокричал что-то на ухо, а потом закрыл руками голову юноши и практически лег на него сверху. После этого они замерли, как и все остальные. Часовой спрятался от дождя под навесом амбара, и во дворе все стихло.

– Про которого из них Эрта рассказывала, будто он напал на нее?

Ройс бросил рассеянный взгляд на Дарель. Она подошла и встала рядом с ним у окна, убрав фигурки из слоновой кости, которыми они только что играли.

– Викинг не нападал на нее. Он просто не хотел, чтобы она перевязывала его рану.

– Но она сказала…

– Я сам видел, что произошло, Дарель, и, поверь мне, эта женщина сильно преувеличивает.

– Если бы он попытался поднять руку на меня, надеюсь, ты не воспринял бы это так легко, – проворчала она.

– Разумеется, – улыбнулся он.

– Так кто же из них?

– Ты не сможешь увидеть его отсюда.

– Олден говорит, что его ранил какой-то мальчишка. Это, случайно, не он?

– Да, самый молодой из них.

– В таком случае ты должен был приказать выпороть его, если видел, как он угрожал Эрте.

– Слишком многие готовы были вступиться за него. Мы добились бы только того, что у нас на руках оказалось бы еще больше раненых.

– Пожалуй, – согласилась она, хотя и с неохотой. – Если они все будут истекать кровью, то не смогут построить нам стену. Стена важнее. Викингов немного, и их нетрудно держать под контролем, а датчан целая армия.

– Я вижу, Олден успел убедить тебя, что они могут быть полезны нам, – засмеялся Ройс.

– Ты вообще собирался убить их всех, – напомнила она с высокомерием, заставившим его улыбнуться. – По крайней мере он понимает, что от живых больше пользы, чем от мертвых.

– Не пора ли тебе пойти и справиться о состоянии Олдена? – намекнул Ройс.

Дарель возмущенно прищелкнула языком.

– Ты с таким же успехом мог просто отослать меня.

– Я никогда бы не позволил себе такую грубость, – ответил он с самым невинным видом, подталкивая ее к двери.

Ройс подолгу стоял у окна, наблюдая за тем, как работают викинги. Он испытывал беспокойство всякий раз, когда выпускал их из виду, и это свидетельствовало о том, что ему все еще требовалось время, чтобы привыкнуть к их присутствию в Уиндхерсте. Он вовсе не так горел желанием использовать их для постройки стены, как Олден и Лайман, потому что рассчитывал встретить датчан на границах Уэссекса, когда придет время вновь сразиться с ними, и очень сомневался, что они когда-нибудь прорвутся так далеко на юг, чтобы дойти до Уиндхерста.

Но поскольку король Альфред хотел, чтобы его подданные укрепляли свои владения, а неподалеку на старых римских развалинах было достаточно камней, он согласился построить каменную стену независимо от того, понадобится она или нет. И теперь за одну только неделю викинги успели уложить все камни, которые рабы в течение нескольких месяцев перетаскивали сюда.

– Меган сказала, что это уже вошло у тебя в привычку, дорогой кузен.

Ройс обернулся и увидел на пороге Олдена.

– Не слишком ли рано ты встал на ноги?

– И ты туда же, – застонал Олден. – С меня хватает того, что женщины опекают меня, как ребенка.

Ройс улыбнулся ему, и Олден медленно подошел к открытому окну и встал рядом с ним.

– Я рад твоему приходу, потому что в последнее время что-то слишком часто стал вспоминать прошлое, сидя здесь в одиночестве. Но, Бог мой, я не могу избавиться от предчувствия, что теперь, когда они почти все оправились от ран, викинги обязательно попытаются

что-нибудь предпринять, и в результате часами простаиваю у окна, наблюдая за ними. Из них только двое еще не могут пока с легкостью поднимать эти камни.

Олден высунулся из окна и даже присвистнул, увидев представшую его взгляду картину.

– Так, значит, это правда! Они уложили уже почти все камни, и скоро понадобятся новые!

– Да, – неохотно признал Ройс. – Они вдвоем запросто перетаскивают самые большие валуны, которые едва могут поднять пятеро моих рабов. А в это время рабы все еще никак не закончат сарай, который я велел построить для викингов возле амбара. Пройдет еще несколько дней, прежде чем мы сможем запирать их на ночь. Зато тогда нам уже не потребуется столько людей, чтобы охранять их, по крайней мере по ночам.

– Ты чересчур беспокоишься, Ройс. Что они могут сделать в этих кандалах?

– Достаточно хорошего топора, чтобы перерубить эти цепи, кузен. Любой из них может голыми руками вышибить дух из двух моих людей еще до того, как третий успеет вытащить свой меч. А эти дураки все равно продолжают очень близко подходить к ним, хотя я предупреждал, чтобы они этого не делали! Если викинги решительно настроены вернуть себе свободу, в чем я не сомневаюсь, рано или поздно они предпримут эту попытку, и в результате погибнут очень многие.

– Сожги их корабль и объясни им, что путь к морю для них отрезан, – предложил Олден.

– Удивительно, что никто не сообщил тебе, что это уже сделано, – буркнул Ройс.

– Значит, ты должен постараться, чтобы у них были веские причины для послушания, – ответил Олден.

– Да, но как это сделать?

– Ты можешь взять их предводителя в заложники. Если они будут думать, что ты убьешь его в случае мятежа, то не станут…

– Нет, Олден. Я уже думал об этом, но они говорят, что их вожак, который привел их сюда, убит. Вместо него они избрали себе нового предводителя, и, если я возьму его в заложники, они изберут еще одного, только и всего.

– Они утверждают, что он убит? – Олден задумчиво покачал головой. – А если это не так?

– Что?! – воскликнул Ройс.

– Если он все еще находится среди них, зачем они будут признаваться в этом и ставить его жизнь под удар?

– Клянусь Богом, я даже не подумал об этом. – Ройс нахмурился. – Нет. Единственный, с кем они носятся, – это тот мальчишка. Они опекают его, как младенца.

Сначала Ройс думал, что этот парень – брат Торольфа, поэтому тот так заботится о нем. Но когда пленники начали строить стену, он заметил, что они все дружно приглядывают за мальчишкой, не позволяя стражникам подгонять его, отнимая у него тяжелые камни и подсовывая самые легкие. Если он падал, сразу несколько человек бросались к нему, чтобы помочь подняться. Но, проклятие, ведь он был самым грязным и оборванным из них, никогда даже не притрагивался к воде, которую им приносили, чтобы они могли помыться. И тем не менее все они окружали его такой заботой.

– Может ли он быть их предводителем? – спросил Олден, глядя на мальчишку, который как раз присел отдохнуть на низкую стену, в то время как последние камни укладывали на место под руководством Лаймана.

– Ты что, рехнулся? Это всего лишь безбородый юнец. Конечно, они все очень молоды, но этот самый молодой из них.

– Но если корабль принадлежит его отцу, они обязаны подчиняться тому, кому он доверил вести его.

Ройс мрачно нахмурился. Может ли все быть так просто? Его собственный король был моложе его на несколько лет. Но Альфред был вторым лицом в государстве с шестнадцати лет. Этот же был неопытным мальчишкой, все еще нуждавшимся в опеке. Однако именно этот

неопытный мальчишка ранил Олдена, а ведь Олден был таким же закаленным воином, как и Ройс. Только теперь он стал припоминать, как все викинги мгновенно бросали свои дела, если парень привлекал чье-то внимание, словно они готовились при необходимости броситься на его защиту.

– Пожалуй, пришло время еще раз потолковать с Торольфом, – коротко сказал Ройс.

– А который из них Торольф?

– Вон тот, который только что подозвал к себе мальчишку, – показал Ройс. – Он единственный из них понимает наш язык, хотя не очень хорошо.

– Похоже, Лайман закончил с ними на сегодня, – заметил Олден.

– Да, завтра утром он возьмет повозки и отправится с ними на развалины, чтобы привезти еще камней. Это означает, что придется выделить дополнительных людей для охраны.

Некоторое время они смотрели, как стражники идут рядом с викингами, подгоняя их к столбу. Потом Ройс отвернулся от окна, но замер на месте, услышав возглас Олдена.

– Похоже, у тебя неприятности!

Ройс быстро повернулся. Он увидел, что один из викингов упал и Ханфрит пихал его сапогом, поторапливая, чтобы тот быстрее поднимался. Ему не нужно было гадать, кто из пленных упал, потому что все викинги разом остановились. Торольф что-то крикнул Ханфриту, и вдруг неожиданно ноги Ханфрита оторвались от земли, а сам он грузно приземлился прямо на задницу. Мальчишка поднялся, отряхивая пыль с ладоней, а викинги пошли дальше, хохоча во все горло.

– Я же предупреждал этого кретина, чтобы он оставил их в покое, – прошипел Ройс сквозь сжатые зубы. – Ему повезло, что они не разоружили его, пока он сидел на земле.

– Бог мой! – воскликнул Олден. – Он собирается напасть на парня!

Едва Ройс увидел, как Ханфрит поднялся и вытащил меч из ножен, он выбежал из комнаты и поспешил вниз по лестнице. Тем не менее, когда он выскочил во двор, было уже поздно. Один из стражников позвал на помощь, и лучники окружили группу пленников, стоя от них на безопасном расстоянии. Трое стражников грозили оружием Оутеру, который сжимал Ханфрита в медвежьем объятии, вполне способном переломить тому позвоночник. При этом казалось, что викингу почти не требуется усилий для этого.

Торольф что-то тихо говорил Оутеру. Мальчишки нигде не было видно, пока наконец Ройс не заметил, как тот осторожно выглядывает из-за широких плеч стоявших перед ним мужчин. Очевидно, его сразу же затолкали в центр группы.

– Скажи ему, чтобы он отпустил моего человека, Торольф, или мне придется убить его, – произнес Ройс очень медленно, чтобы пленник его понял. Он не сводил глаз с Оутера, который отвечал ему совершенно бесстрастным взглядом. – Скажи ему немедленно, Торольф.

– Я говорил ему, – ответил викинг и попытался объяснить: – Кузен Оутера. Никто не смей нападать на кузен Оутера.

Взгляд Ройса переместился на Торольфа.

– Он кузен этого парня?

– Да.

– А кем тогда приходишься ему ты?

– Друг.

– Этот юноша ваш предводитель?

Торольф изумленно посмотрел на него, потом улыбнулся и перевел этот вопрос своим товарищам, многие из которых начали смеяться. Этот смех по крайней мере немного разрядил обстановку. Даже Оутер хмыкнул и выпустил из рук задыхавшегося Ханфрита, который упал у его ног. Ройс поднял маленького сакса за шиворот и отпихнул его в сторону, подальше от викингов.

Меч Ханфрита лежал в пыли между Ройсом и Оутером. Ройс поднял его, держа острием вниз, чтобы показать, что у него мирные намерения.

– У нас возникли сложности, Торольф, – тихо произнес он. – Я не могу допустить, чтобы на моих людей нападали.

– Ханфрит напал.

– Да, я знаю, – признал Ройс. – Я думаю, его самолюбие было задето.

– Его упали – но он ударил ногой – заслужил, – сердито возразил Торольф.

Ройсу потребовалось какое-то время, чтобы переварить эту информацию.

– Если он действительно ударил ногой парня, может быть, он и заслужил, чтобы его повалили на землю. Но этот мальчишка не стоит тех неприятностей, которые он все чаще доставляет.

– Нет.

– Нет? Может быть, если я заберу его от вас и поставлю на более легкую работу…

– Нет!

При этих словах темные брови Ройса почти сошлись на переносице.

– Позови мальчишку. Пусть сам решает.

– Немой.

– Мне это говорили. Однако он способен прекрасно понимать тебя, разве не так? Я часто вижу, как ты с ним разговариваешь. Позови его, Торольф.

Но светловолосый Торольф был твердо намерен на этот раз сделать вид, будто не понял, и ничего не ответил. Ройс решил захватить остальных врасплох, прежде чем Торольф успеет рассказать им, о чем идет речь. Он оттолкнул стоявших перед ним викингов, схватил мальчишку за плечо и выволок его из толпы. Оутер сделал было движение, чтобы помешать ему, но остановился, когда Ройс прижал острие меча к шее юноши.

Ройс посмотрел прямо в лицо Торольфу, и его глаза сердито сузились.

– Я думаю, что ты солгал мне про этого мальчишку, викинг! Говори сейчас же, кто он такой!

Торольф ничего не ответил. Еще несколько стражников выступили вперед, и огромное копье отгородило его от Ройса. Прочие сдерживали остальных пленников.

– Значит, мне нужно принять кое-какие меры, чтобы развязать тебе язык? – продолжал настаивать Ройс.

Но Торольф не ответил и на это, и тогда Ройс потерял терпение. Он потащил парнишку к столбу. Когда тот упал, не поспевая за ним, Ройс грубо дернул его, заставив встать, и на ходу отдал приказание своим людям. Он толкнул парня вперед, так что тот оказался лицом к столбу, обхватив его руками, а Ройс крепко держал их с другой стороны, пока один из его людей не подбежал к нему с коротким куском веревки, которым тот быстро связал юноше руки.

Он отошел от столба и повернулся к Торольфу. Другие викинги что-то кричали ему, но Торольф стоял, плотно сжав губы, хотя его голубые глаза смотрели враждебно. Неужели Торольф считал, что Ройс хотел просто привязать парня к столбу? Сейчас он быстро убедится, как ошибся.

Ройс встал позади парнишки, загородив его своей спиной от взоров пленников. Затем, вытащив из-за пояса кинжал, разрезал толстую меховую фуфайку прямо посередине спины. После этого он принялся за кожаную тунику, которая оказалась такой плотной, что он, по всей видимости, порезал мальчишке спину, когда распорол ее сверху донизу, но тот не издал ни единого звука.

Глазам Ройса открылась нежная белая кожа, заставив его нахмуриться. Не было видно и следа крепких мускулов, способных вынести удары кнута. И он действительно поранил парнишке спину. Тонкая кровавая полоса протянулась от лопаток до самой талии. Перед ним дей-

ствительно стоял совсем еще ребенок, и, похоже, ему придется приказать отстегать его, если Торольф не согласится сказать правду о нем.

Ройс шагнул в сторону, чтобы викингам было видно, что он сделал. Торольф закричал «Нет!» и отпихнул копье, пытаясь добраться до Ройса. Оутер выхватил копье из рук стражника, сшиб им с ног двоих людей Ройса и тоже рванулся к столбу, охваченный безудержной яростью.

Но Ройс окликнул их, и они остановились, увидев, как он приставил кинжал к обнаженной спине.

– Правду, Торольф!

– Никто! Мальчик! – настаивал викинг.

В руках у Уэйта появилась плеть. Торольф снова заорал «Нет!» и начал было говорить что-то еще, но юноша затряс головой, и Торольф замолчал. Это взбесило Ройса. Хотя парень не произносил ни звука, его желание было законом.

– Это было очень глупо с твоей стороны, – резко произнес Ройс, обойдя столб, чтобы видеть и лицо юноши, и толпу внезапно притихших викингов. – Пострадаешь ты, а не он. Ты сам не можешь этого сказать, но я заставлю его признаться, что ты их предводитель. Это и так очевидно. Но я хочу, чтобы они сами это подтвердили.

Он не ожидал получить ответ от немого, он даже не рассчитывал на то, что его слова будут поняты. Он был зол, потому что его вынуждали продолжать все это, и разозлился еще сильнее, когда юноша, прежде чем опустить голову, чтобы спрятать лицо, устремил на него взгляд своих прелестных аквамариновых глаз. Проклятие, если это не было чисто женской уловкой! И в самом деле, в этом мальчишке было слишком много женского. Если бы Ройс не знал, что этого попросту не может быть, то не устоял бы перед искушением совсем сдернуть с него тунику, чтобы убедиться, что его подозрения необоснованны. Ему приходилось встречать и других юнцов, у которых были такие же длинные ресницы, красивые глаза и нежная кожа, пока они не достигали определенного возраста и не превращались в мужчин. Просто этот парень еще не дорос до этого возраста.

Ройс кивнул Уэйту, чтобы тот приступал. Уэйт взмахнул плетью, и воздух со свистом вырвался у юноши из легких. Но больше ни один звук не потревожил наступившую тишину. Торольф продолжал молчать, хотя он крепко сжал кулаки и напряг каждый мускул своего тела, чтобы удержаться на месте и не броситься вперед. Ройс кивнул еще раз.

На этот раз сила удара заставила высокое, стройное тело припасть к столбу, а затем юноша инстинктивно рванулся назад на полную длину вытянутых рук. Разрезанная кожаная туника начала сползать с его плеч. Юноша снова припал к столбу, на этот раз вовсе не от удара хлыста. Но он оказался недостаточно проворным, поэтому полоска белого полотна, которую он стремился прижать грудью к столбу, выпала из-под туники.

Ройс наклонился и поднял эту полоску, очень похожую на повязку, которую накладывали на раны, только на ней не было крови. На одном конце был узел, из чего Ройс понял, что он разрезал повязку вместе с туникой. На ткани каким-то образом отпечатались два небольших овальных углубления, словно повязка долгое время плотно прилегала к…

– Нет, я не могу в это поверить!

Он поднял глаза и взглянул на эту опущенную голову, потом резко выбросил вперед руку, схватил за тунику и дернул ее вниз. Он судорожно глотнул воздух, затем выругался при виде бесспорного доказательства, превратившего мальчишку в женщину. Другой рукой он сорвал повязку с ее головы, выругавшись еще раз, когда длинная золотая коса упала ей на спину.

Стон отчаяния прокатился по толпе пленников, но девушка не издала ни звука, а в глазах, которые теперь смотрели прямо на него, не было и намека на слезы. Дьявол, что же это за женщина, которая даже не пожелала сознаться в своей принадлежности к слабому полу, чтобы избежать порки? Или она не понимала, что он не станет бить женщину?

Ройс разрезал веревку, связывавшую ее запястья, и она поспешно поправила тунику, прикрыв свою наготу. Едва она сделала это, как он схватил ее за руку и потащил назад, к притихшему Торольфу.

– Мальчик, не так ли? Никто? И ты позволил мне отстегать ее! Чтобы скрыть что? То, что она женщина? Но почему? – яростно потребовал ответа Ройс.

– Чтобы защитить меня, – ответила Кристен.

Глаза Ройса метнулись к ней, но бушевавшая в них ярость не заставила ее отступить.

– И к тому же вовсе не немая, да еще знающая наш язык! Клянусь Богом, я заставлю тебя ответить, почему ты молчала и не хотела остановить порку!

– Чтобы не быть изнасилованной саксами, – ответила она просто.

Он с издевкой рассмеялся.

– Ты слишком высока для того, чтобы вызвать интерес у моих людей, или ты этого не понимаешь? И вообще, женщина, ты вряд ли способна ввести кого бы то ни было в искушение!

Он произнес эти слова в запальчивости, но все равно они уязвили ее самолюбие.

– Что ты теперь со мной сделаешь? – осмелилась она спросить.

Ройса задело то, что она проигнорировала его оскорбления.

– Отныне ты будешь работать в доме. То, как с тобой станут обращаться, будет зависеть от их поведения. Ты поняла?

– Да.

– Тогда заставь их тоже понять.

Кристен посмотрела на Торольфа и подошедшего к нему Оутера.

– Он хочет держать меня в доме в качестве заложницы, чтобы быть уверенным в вашем послушании. Но вы не должны из-за этого менять свои планы. Пообещайте мне, что если вам предоставится возможность бежать, то вы ею воспользуетесь. Если хотя бы один из вас доберется домой, он сможет прислать за мной моего отца.

– Но он убьет тебя, если мы убежим.

– Он злится сейчас оттого, что отстегал женщину. Он не станет убивать меня.

Оутер задумчиво кивнул.

– Раз так, мы попробуем пробраться на север к датчанам, если нам представится случай. У них наверняка есть корабли, на которых можно уплыть в Норвегию.

– Хорошо. А я, если смогу, дам вам знать, как у меня идут дела, так что не беспокойтесь обо мне.

– Хватит! – оборвал ее Ройс и толкнул к Уэйту. – Отведи ее в дом и прикажи женщинам вымыть ее. – Глядя ей вслед, он увидел красные полосы у нее на спине, причем из одной сочилась кровь, и ему пришлось призвать на помощь всю свою выдержку, чтобы говорить спокойно. – Я знаю, что она сказала вам больше того, что я велел ей. А теперь послушайте меня. Если вы только попытаетесь убежать или ранить кого-нибудь из моих людей, я заставлю ее пожалеть, что она осталась в живых. И запомните, я слов на ветер не бросаю.

Глава 11

Войдя в дом сакса, Кристен почувствовала себя не в своей тарелке. Зал, в котором она очутилась, был длиннее и просторнее, чем в доме ее отца, но она так и подозревала, судя по размерам этого жилища. В ее родном доме над залом не было потолка, он занимал все пространство до самой крыши, что делало его похожим на огромную каменную пещеру, где зимой было так холодно, что ее семья предпочитала проводить все вечера на кухне. Здесь же над залом был потолок, хотя и очень высокий.

Кухня не была отгорожена от зала, как было сделано у нее в доме по настоянию ее прадедушки, который говорил, что дым сильно мешает ему. Здесь же еду готовили на большом каменном очаге, который занимал почти всю правую половину дальней от входа стены. Слева от кухни располагалась лестница. В зале имелся еще один очаг, такой же огромный, который был встроен посередине длинной стены справа, но огонь там не горел, так как, очевидно, в летнее время очагом не пользовались. Нижняя часть стен по всему периметру зала была выложена камнем на два фута в высоту, над каминами же стены были каменными до самого потолка, камнем были окружены и высокие входные двери.

Пол был сделан из дерева, и шаги девушки звучали гулко, из чего она заключила, что под ним, должно быть, находится что-то вроде погреба. Тонкий квадратный ковер, похожий на тот, который Гаррик однажды привез с Востока, закрывал небольшую часть пола перед двумя широкими окнами, расположенными тоже справа в передней части зала. На нем стояли стулья, табуретки и ткацкий станок. Очевидно, этот угол занимали женщины, и сейчас трое из них сидели за работой.

Все окна и двери были открыты, впуская солнечный свет и теплый ветерок. У другой стены, напротив женского уголка и тоже недалеко от окон, но ближе к центру зала, стояла огромная бочка с элем. Вокруг бочки были расположены стулья и скамейки, а также несколько маленьких столиков с играми. Там же стояла подставка для инструментов и еще один, гораздо более длинный стол, на котором лежало разнообразное оружие, табуретки и даже деревянные кубки, все в разной степени завершенности. Возле стола стоял человек и прилаживал тонкие кожаные ремешки к рукояти плети. Кристен съежилась, потому что ее спина внезапно заболела намного сильнее.

Всего в зале находились семь женщин, и все они мгновенно прекратили работу, когда Уэйт вошел в дом в сопровождении Кристен. Ее мужская одежда, наполовину разорванная, и огромный рост, превышающий рост этих женщин на полфута, а то и больше, заставили Кристен почувствовать себя несуразной. Все женщины были одеты в рубахи с длинными рукавами, которые скрывали их от шеи до пяток, некоторые даже прятали волосы под покрывалами, в то время как ее руки, а теперь и спина, были обнажены. Женщины выглядели чистыми и опрятными, а она была покрыта густым слоем грязи, в которой вымазалась специально, чтобы скрыть свою нежную гладкую кожу.

Одна из женщин, одетая богаче других, поднялась и приказала Уэйту остановиться. Ее светло-голубое верхнее платье было украшено вышивкой по подолу и даже по краям широких, доходивших до локтей рукавов, из-под которых были видны белоснежные, плотно прилегающие рукава ее рубахи. Пояс подчеркивал ее тонкую талию. Ее волосы золотисто-каштанового цвета были забраны сеткой, украшенной бисером, а светло-голубые, необычайно яркие глаза очень походили на глаза того мужчины, которого Кристен, как она надеялась, убила.

Кристен подумала, что женщину вполне можно было бы назвать очень хорошенькой, если бы она не хмурилась так, как сейчас. Вероятно, она была хозяйкой дома, если имела право таким повелительным тоном остановить воина. Кристен не удивило, что у саксонского лорда

была такая очаровательная жена. Девушка могла бы даже позавидовать этой даме, имеющей такого красивого мужа, не будь она сама пленницей этого мужа.

– Как ты посмел привести его сюда? – сердито спросила женщина у Уэйта, сделав несколько шагов в их сторону, но остановившись на значительном расстоянии.

– Миледи, это не он, а она, и лорд Ройс приказал, чтобы служанки вымыли ее.

– Женщина? – с изумлением выдохнула дама, подходя ближе. Ее глаза пристально осмотрели Кристен с головы до ног, которые были все еще скованы цепями. Затем она отрицательно покачала головой. – Нет, это невозможно.

Уэйт схватил длинную косу Кристен и перебросил ей через плечо, чтобы дама могла ее увидеть.

– Лорд Ройс приказал отстегать ее плетью, из-за чего обман и раскрылся. – Он грубо развернул Кристен. – Разве это спина мужчины?

– Нежная кожа и длинные волосы еще не делают ее женщиной.

Уэйт засмеялся:

– Милорд удостоверился другим способом, и вы сами увидите, когда будете ее мыть.

У дамы вырвалось недовольное восклицание:

– И что мы с ней будем делать после того, как вымоем?

Уэйт пожал плечами.

– Найдите ей какую-нибудь подходящую работу, миледи. Ей приказано оставаться в доме.

– О чем Ройс только думает? – запричитала женщина. – Привести язычницу в наш дом?!

– Он собирается использовать ее…

– Не сомневаюсь! – презрительно фыркнула она. – В тех же целях, в каких ее, очевидно, использовали эти викинги!

– Может быть, и так, – ухмыльнулся Уэйт. – Но она больше нужна ему в качестве заложницы.

– Ох, ну хорошо. – Последовал многострадальный вздох. – Пошли кого-нибудь за ключами от кандалов, если он хочет, чтобы ее отмыли как следует. Но прежде отведи ее в умывальную и оставь с ней двух мужчин, пока я объясню служанкам, что от них требуется. Им все это понравится не больше, чем мне.

Кристен оставили на попечение Уланда и Олдуса, хотя она не знала, кто из них кто, поскольку Уэйт попросту выкрикнул их имена, пока они шли через зал. Маленькая умывальная находилась под лестницей, из нее вела дверь, выходящая на задний двор, откуда носили воду из колодца. Другая дверь располагалась прямо под лестницей, неподалеку от кухни. Внутри стояла деревянная лохань, но отнюдь не такая большая, как в бане у ее дяди Хью, а рассчитанная лишь на одного человека. Очевидно, у саксов не было принято мыться в большой компании.

Кристен решила, что мужчины, которых оставили ее охранять, – всего лишь простые слуги, поэтому перестала обращать на них внимание. Оба они были невысокого роста, темноволосые, один старый, другой молодой, возможно, отец и сын. Они с беспокойством поглядывали на нее, словно подозревая, что, если она решит оказать сопротивление, им будет нелегко с ней справиться.

Но Кристен и не думала сопротивляться. Она с нетерпением ждала возможности помыться, раз уж теперь ей не нужно было скрывать свою принадлежность к женскому полу. Грязь, которой она была покрыта с головы до ног все это время, явилась для нее тяжким испытанием. Если бы ей не приказали вымыться, она скорее всего сама стала бы просить об этом.

Пришел кузнец и снял с нее кандалы, хотя и не унес их с собой. Кристен тут же села на скамейку, чтобы снять сапоги и осмотреть свои щиколотки. Кожа была ярко-красной, сильно натертой, но не поврежденной. Если ее теперь избавят от этих проклятых кандалов, то скоро на ней не останется и следа.

Кристен принялась расплетать косу, пока мальчишки таскали со двора ведра с водой. Было непохоже, чтобы кто-нибудь собирался подогревать для нее воду, поскольку лохань была уже практически полной. Но это не слишком беспокоило ее, она привыкла плавать в холодной воде.

Когда в крошечную комнату вошли пять женщин, не считая хозяйки, остановившейся у дверей, Кристен почувствовала досаду и поднялась на ноги:

– Я вполне могу вымыться сама.

– Господи помилуй, а я-то думала, что потребуется немало сил, чтобы заставить ее понять!

– Я все отлично понимаю. Я должна вымыться. Я охотно это сделаю, но помощники мне не нужны.

– В таком случае ты ничего не поняла. Ройс приказал, чтобы эти женщины тебя вымыли, и они это сделают.

Кристен была не из тех, кто поднимает шум из-за пустяков. Если уж она уступала, то предпочитала делать это без лишних споров. Она небрежно пожала плечами и стала ждать, когда мужчины выйдут из комнаты. Но поскольку те не тронулись с места, а женщины, приблизившись к ней, собрались было начать раздевать ее, она с такой силой оттолкнула их, что две из них с визгом упали на пол.

– Послушай, женщина, – Кристен пришлось кричать, чтобы заглушить их вопли, – я позволю твоим служанкам вымыть меня, но не в присутствии мужчин.

– Как смеешь ты говорить мне о том, что позволишь и что не позволишь? Они находятся здесь, чтобы охранять моих служанок, потому что тебя опасно оставлять наедине с беззащитными женщинами.

Кристен чуть было не расхохоталась. Пять женщин, даже шесть, включая хозяйку, и они считают, что она одна представляет для них опасность! Но они могут оказаться не так уж далеки от истины, если станут настаивать на том, чтобы раздеть ее в присутствии слуг. И раз уж эти женщины так боятся ее, Кристен решила зайти еще немного дальше.

Она указала пальцем на двух мужчин, смотревших теперь на нее глазами, расширившимися от страха, что им придется усмирять ее.

– Это их придется защищать, если они сейчас же не выйдут отсюда!

Дама даже зашипела от ярости и принялась выкрикивать указания. Кристен схватила скамейку, на которой сидела перед этим, и швырнула ею в мужчин.

Подходя к дому, Ройс еще издали услышал пронзительные крики и визг. Он вошел в зал как раз вовремя, чтобы увидеть, как Уланд буквально вылетел из умывальной. За ним последовал Олдус, который, споткнувшись об Уланда, тоже растянулся на полу. К тому моменту, когда Ройс добрался до места происшествия, шум почти утих, хотя Дарель все еще продолжала вопить от ярости.

– Какого черта, что здесь происходит? – загремел он с порога.

– Она не дает нам вымыть себя!

– Так скажи ему почему, – запыхавшись, с трудом выдохнула Кристен.

Она лежала на полу на спине, а на ней верхом сидели четыре служанки. Они набросились на нее сзади, пока она выталкивала старшего из мужчин из комнаты. Повалив ее на пол, они все вместе накинулись на нее. Кристен едва могла дышать, потому что одна из служанок взгромоздилась ей на грудь, а другая – на живот.

– Бог мой, Дарель! – бушевал Ройс. – Я поручил тебе такую простую вещь, а ты умудрилась устроить здесь целое побоище!

– Она первая начала! – возмутилась Дарель. – Она не позволила им раздеть себя. Сначала она дни и ночи проводит среди дюжины мужчин, а потом вдруг стесняется двух рабов!

– Я приказал, чтобы женщины вымыли ее. Я ничего не говорил о том, что при этом должны присутствовать мужчины!

– Но она же из викингов, Ройс! Не мог же ты рассчитывать, что мы останемся с ней наедине.

– Господи помилуй, ведь она всего лишь женщина!

– Она не похожа на женщину. Она ведет себя не так, как женщина. И она со скамейкой в руках обрушилась на этих двух трусов! И после всего этого ты хочешь оставить нас один на один с ней?

– Отпустите ее! – зарычал он на служанок, потом рывком поднял Кристен на ноги. – Если ты причинишь еще хоть малейшее беспокойство, женщина, я сам займусь тобой. И тебе это не понравится.

– Я согласилась вымыться и была рада, что у меня появилась такая возможность.

Ройс нахмурился, услышав этот спокойный ответ.

– В таком случае воспользуйся ею, – сказал он. Потом, повернувшись к старшей из находившихся в комнате женщин, приказал: – Ида, когда закончите, приведи ее в мою спальню.

– Ройс! – протестующе воскликнула Дарель.

– Что тебе? – оборвал он ее.

– Ты же не собираешься… не собираешься…

– Я собираюсь задать ей несколько вопросов, Дарель, хотя тебя это совершенно не касается. Иди займись своими делами. Здесь вполне справятся и без твоих указаний.

Дарель с раскрасневшимися щеками надменной походкой удалилась из комнаты. Но Ройс был не в настроении умиротворять ее. Это было уже чересчур! Как будто нельзя сделать такую простую вещь, не устраивая переполоха в доме!

Олден все еще ждал Ройса в его комнате наверху, по-прежнему стоя у окна.

– Ты все видел? – спросил Ройс.

– Да, хотя слов мне не было слышно, – ответил Олден. – Интересно, правильна ли моя догадка о том, что именно ты увидел, когда сдернул тунику?

– У этого мальчишки оказалась пара прелестных грудок! – буркнул Ройс.

Олден засмеялся было над выражением его лица, но тут же осекся.

– Я переживал, что меня свалил с ног почти мальчишка, но женщина!

– Пусть тебя утешит то, что она только что с легкостью вышвырнула двух рабов из умывальной. Нам никогда еще не доводилось встречать таких женщин.

– Возможно. Она необычайно высокая для женщины, настолько высокая, что ей даже удалось так долго водить нас за нос.

– Но зачем им понадобилось брать с собой в набег женщину? – удивился Ройс.

Олден пожал плечами.

– А зачем же еще? Чтобы она заботилась о них во время плавания. Она появилась на поле битвы позже остальных. Как я полагаю, ее оставили на корабле, но когда она увидела, что на ее друзей напали, то поспешила на помощь. Ведь в конце концов если бы всех викингов убили, она осталась бы совсем одна. Неудивительно, что она так отчаянно сражалась наравне с мужчинами.

– Да. И готова была выдержать порку, лишь бы не признаваться, что она женщина. Она заявила, что просто пыталась защитить себя от насилия со стороны саксов! – Он хрипло рассмеялся. – Мужчины везде одинаковы. Чем мужчина может напугать шлюху, даже если он принадлежит к другому племени?

– Она верна своим соотечественникам и не желает делить ложе с их врагами.

– По всей видимости. Теперь я понимаю, почему они всеми силами старались скрыть ее пол. Очень скоро их начали бы запирать по ночам в отдельной хижине, и они остались бы с ней

наедине. Но, клянусь Богом, я не в состоянии понять, что они могли найти в этой высоченной, мужеподобной особе!

Глава 12

Отношение Кристен к ее приключению, обернувшемуся такой катастрофой, резко изменилось в тот день, когда она впервые вошла в господский дом. Теперь ей не нужно было держать рот на замке и прятать свою косу – перед ней встала другая проблема, которой не было прежде: как теперь, когда закончился ее маскарад, отнесутся к ней саксы? Станут ли они испытывать к ней отвращение из-за ее роста и ее принадлежности к племени их врагов? Или, как и у нее на родине, все мужчины будут находить ее желанной?

Саксонский лорд сказал, что она не представляет интереса для его соплеменников. Из его слов Кристен могла сделать вывод, что ни один мужчина не захочет лечь в постель с женщиной, которая настолько выше его, потому что будет чувствовать себя униженным и не способным ощущать себя хозяином положения. Что ж, в таком случае это избавляло ее от посягательств со стороны всех здешних мужчин, кроме двоих. Один, как она надеялась, был мертв. Другим же был сам саксонский лорд.

Кристен испытывала к лорду Ройсу смешанные чувства. Всю последнюю неделю она редко видела его, а если ей доводилось сталкиваться с ним, избегала открыто смотреть ему в лицо. Но в то же время она и не могла забыть того впечатления, которое он произвел на нее при первой встрече. Когда он въехал во двор на своем великолепном коне, такой гордый, властный, уверенный в себе, то показался ей похожим на молодого бога. Он так дерзко подъехал прямо к толпе огромных, сильных и враждебно настроенных пленников, не опасаясь при этом открыто выразить им свое презрение и ненависть.

Этот человек не знал страха. И сегодня он снова смело растолкал викингов, чтобы вытащить ее из-за их спин. Ее товарищи даже не знали, как следует расценить его поступок, когда он, совершенно безоружный, подошел к ним вплотную, не испытывая ни малейшего страха.

Оутер считал, что это было глупо и неосторожно с его стороны. Торольф же был уверен, что Ройс нарочно пытался спровоцировать их, надеясь найти предлог, чтобы покончить с ними. Кристен склонялась к тому же мнению, потому что отлично помнила выражение глаз лорда Ройса в тот первый день и его холодный, безжалостный приказ убить их.

Это пугало ее. И в то же время она не могла не восхищаться им. Вид сильного, хорошо сложенного мужского тела всегда доставлял ей удовольствие. В тот последний вечер в их доме, во время прощального пира, мать Кристен перехватила ее взгляд, устремленный на борющегося Дэйна, младшего сына Перрина и Джейни. Бренна тогда еще принялась поддразнивать ее, спрашивая, уверена ли она, что никто здесь ей не подходит в мужья. Сильное, красивое тело радовало глаз, и мать научила ее не стыдиться этих чувств. А у саксонского лорда было не только великолепное тело, но и очень красивое лицо.

Да, надо признать честно, ей было приятно смотреть на него. Но она не хотела бы, чтобы он смотрел на нее с таким же чувством. Учитывая ненависть, которую лорд Ройс испытывал к ней и к остальным викингам, вряд ли ей доставит удовольствие, если он надумает заняться с ней любовью. До тех пор, пока он не станет испытывать к ней влечения, она будет в безопасности, даже невзирая на то, что ее разлучили с остальными пленниками. Цель у нее оставалась все та же. Она будет работать и стараться держаться как можно незаметнее, пока не представится возможность бежать. Однако сейчас ее все-таки сильно волновал этот вопрос: как он отнесется к ней как к женщине?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.